

Алексей Федотов

Петр

или как Донские Казаки помогали
в становлении Московского Государя

Алексей Федотов

**Петр. Или как Донские Казаки
помогали в становлении
Московского Государя**

«Издательские решения»

Федотов А.

Петр. Или как Донские Казаки помогали в становлении
Московского Государя / А. Федотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965169-3

Эта книга про Петра Великого, в которой автор раскрывает его становление как Государя Российского и тесные взаимоотношения правителя с Донским казачеством. Составлена на основе многих архивных документов.

ISBN 978-5-44-965169-3

© Федотов А.
© Издательские решения

Содержание

1. Двоецарствие и Стрелецкий бунт.	6
2. Первый Азовский поход Петра	33
3. Второй Азовский поход	53
4. Великое посольство и Стрелецкий бунт.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Петр
Или как Донские Казаки помогли
в становлении Московского Государя**

Алексей Федотов

© Алексей Федотов, 2019

ISBN 978-5-4496-5169-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Двоецарствие и Стрелецкий бунт.

В этой новой книге хочу показать становление молодого Государя Петра Алексеевича в тесном контакте с Донским казачеством. Мало кто из авторов, историков обращал на это внимание и говорил на эту тему. Между тем читая указы и письма того времени приходится признать, что влияние казачества на молодого Царя было велико. Во-первых, начну это повествование со времён Царя Алексея Михайловича, отца Петра и с поговорки, которая была в народе: «Если бы не удавилась девка в Киркине, не быть бы на свете Петру». Согласно этой легенде «ближний боярин» Царя Алексея Михайловича «окольничий» **Артамон Сергеевич Матвеев** проезжал однажды мимо селения Киркино, что около города Михайлова, увидел 11 летнюю девушку, безутешно рыдавшую у своего дома. Проехав деревню он после спросил о причине горя этой девушки у её соседей. Оказалось, эта молодка оплакивала «*дворовую девку самовольно удавившуюся*». Расчувствовавшийся Артамон Сергеевич взял эту девушку к себе на воспитание и как впоследствии оказалось, сделал крупнейшую услугу не только доброй девушке, но и Алексею Михайловичу, и всему Русскому государству.

Смотр невест. Художник Григорий Седов.

Эта молодая девушка была **Наталья Кирилловна Нарышкина**. В доме боярина девушку воспитывала жена Матвеева которую звали Евдокией Григорьевной в девичестве Хомутова. Именно эта женщина привезла её на собранный со всей страны «*смотр невест*». Это мероприятие проходило почти полгода. На нём была выбрана 19 летняя невеста Наталья и позже повенчана с Царём. Весной, **30 мая 1672 года**, Наталья Кирилловна родила сына, которого Алексей Михайлович назвал **Петром**, впоследствии ставшим **Петром Первым**. Об этой

«великой вести» были разосланы грамоты во все концы России. Через месяц в Грановитой палате состоялся «*родинный стол*». Приглашённое духовенство и московская знать угощалась огромной «*коврижкой с изображением герба и изделиями из сахара*». Из сахара был даже отлит макет Кремля весом 2.5 пуда. Кусочки этих сладостей были розданы всем приглашённым, что бы они дома при чаепитии помнили что родился у Царя сын.

Когда Петру не было ещё 4 годов **29 января 1676 года в возрасте 46 лет** от простуды скончался его отец и **Царь Алексей Михайлович**. По всей Москве начали бить колокола и ночью же приближенный клан бояр Милославских, начал готовить на престол 15 летнего **Царевича Фёдора Алексеевича Романова**. Юноша был облачен в царские одежды и поставлен на помост в большом зале дворца. Милославские торопились. Всю ночь, следующее утро и день проходило «*крестоцелование*», церемония присяги новому государю. На другой день 30 января проходили похороны отца Фёдора. На эту церемонию молодого парня несли на носилках «*рынды*» в Архангельский собор, так как у нового Царя опухли ноги от долгого стояния за прошлые сутки. По столице и в самом Кремле ходили слухи, что первый министр боярин Артамон Матвеев пытался посадить на престол малолетнего Петра Алексеевича, но был отстранён кланом Милославских. За эту попытку уже в феврале месяце он был обвинён в оскорблении иностранного посла и сослан со всей семьёй на север в острог Пустозерск. Болезнь ног у Федора Романова, как говорили в то время, досталась ему по наследству от отца. Позже, когда созывался консилиум врачей был вынесен такой вердикт: «*...его государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи, но от его царского величества природы та де цинга была отца его государева в персоне... лечить ношки будут сухой ванной и полное излечение только исподволь, а не скорым вреянем*». На самом деле было всё не так. Зимой прошлого года по недосмотру старших Федя упал с лошади и его переехали сани. После этого он начал припадать на ноги. Очевидец писал, что сани: «*измяли у него тело, от чего он теперь чувствует беспрерывную боль в груди и спине*». Так как молодой Царь был не совсем здоров и после избрания «*на стол*» свои основные функции правителя государства он передал своим попечителям. Ими были Московский патриарх Иоаким и боярин Иван Михайлович Милославский.

Молодой Царь Фёдор Алексеевич был образованным человеком. Он спокойно говорил по-польски, знал древнегреческий, латынь и другие языки, к тому же увлекался музыкой, особенно любил петь псалмы. В церковь его водили дядьки «*боярин Федор Федорович Куракин, да думный дворянин Иван Богданович Хитрово*». Он даже был кандидатом на польский трон после смерти короля Михаила Вишневецкого.

В это самое время продолжалась война с турками и Султан Мехмед 4 вёл очередную войну по захвату земли польской. На Дону казаки делали постоянные вылазки к Азову с намерением оттянуть турецкие войска с Польши. Русские цари со времён Ивана Грозного всегда полагались на мужество Донских Казаков при охране южных границ и «*окраинных городков*» государства.

На Дон в **феврале 1676 года** был послан с грамотой **Великого Государя Царя Фёдора Алексеевича**, московский стольник Семен Семенович Колтовский, «*пред святым Евангелием веру и обещание учинить*». Грамота и «*крестоприводная запись*» адресована **атаману Михаилу Самарянину**. Войсковой атаман Корнила Яковлев после его снятия с должности на Войсковом Круге, уехал в Москву возможно по приказу сверху, где и находился в этот период вместе со **станичным атаманом Иваном Семеновым**, есаулами и казаками там они и присягнули первыми, по всей вероятности, новому Царю. Царь приказывал Войску Донскому в «*приводной записи*» оставить подписи «*пред святым христовым Евангелием веру и обещание учинить*». Он так же просит Донских Казаков «*нам Великому Государю, матери нашей благоверной Государыне Царице Наталье Кирилловне и братьям нашим благоверным Царевичам,*

и благоверным Царевнам, теткам и сестрам служили и прямили и всякого добра хотели безо всякия хитрости и быти в нашем Государском повелении, так же, как были при отце нашем».

Царь Фёдор Алексеевич. Старинная гравюра 18 века.

Весной 1677 года огромная 80 000 турецкая армия Ибрагим-Шайтан-паши, соединившись с «*мутяньскими*» молдавскими и валашскими войсками, начали поход на **Чигирин** и Киев. 30 июня турки подошли к крепости и в начале августа осадили её. Все попытки с хода взять крепость оказались неудачными. Московские стрельцы Шепелева, Кровкова и черкасы гетмана Самойловича отразили все приступы и заставили турок отступить в траншеи. Осенью подошли основные силы русских, запорожских черкас и донских казаков. Переправившись через Днепр, они нанесли туркам огромные потери, которые вынуждены были отступить. На укрепление крепости был направлен боярином Григорием Ромодановским полковник Федор Тумашев, Иван Ржевский и Патрик Гордон с отрядами пехоты и драгунским полком. Шотландец значительно усилил оборонительные укрепления, построил много инженерных сооружений. Донской походный атаман Конон Кирилов привел 1000 человек пехоты. Позже на помощь защитникам Чигирина пришел полк генерала Косогова и два полка конных Донских Казаков всего численностью 9719 человек. Казаки были под руководством **Войскового атамана Михаила Самарянина** и полковника Фрола Минаева.

Атаман Михаил Самарянин. Художник Анатолий Ковалев.

В следующем **1678 году** война продолжалась, и турки не отказались от взятия Чигирина. Начался сбор янычар у крепости Исакчи. Командующим был назначен великий визирь Кара-Мустафа. Турки численностью до 100 000 воинов подошли к крепости Чигирин в июле месяце и начали боевые действия. Заняв господствующие высоты, они охраняли переправу через **реку Тясмин** правый приток Днепра.

Турецкие большие осадные пушки везли 32 пары буйволов, более мелкие в количестве 120 орудий тащили 5000 верблюдов и 100 000 лошадей. Защитников Чигирина было в 10 раз меньше. **5 августа** турки подорвали мины в подкопе и разрушили значительную часть вала

нижнего города, а потом бросились в образовавшийся прорыв. Два часа шла отчаянная резня. В это время воевода Иван Ржевский вышел на вал верхнего города и был убит осколком бомбы, поразившем его в подбородок. Далее всеми вооружёнными силами руководил Гордон. После очередного штурма, город был весь в огне, и многие командиры оставили крепость и не слушались команд шотландца. По приказу князя Фёдора Ромодановского он заминировал крепость и вышел через мост. Турки взяли верхний город, но раздался страшный взрыв порохового склада, от которого они потеряли до 4000 человек. Русские войска оставили эту крепость. Генерал Патрик Гордон уходил последним и писал потом «...так Чигирин был обороняем и потерян, оставлен, но не взят». После оставления крепости наша армия отступала к Днепру в старый укрепленный лагерь, отбивая атаки преследующих. Турецкий паша Кара Мустафа старался догнать отступающих, но всякий раз терпел поражение. Сгоревший город Чигирин и разорённые окрестные городки стали никому не нужны и в конце года Султан Мехмед отвел свои войска на «зимние квартиры» в Крым. По итогу боёв Донскому Войску в награду прислано Полковое Знамя от московского Царя Фёдора Алексеевича.

В июле **1679 года** Донские казаки с **атаманами Яковом Ивановым и Петром Дмитриевым** ходили в поход на «*турецкого пашу*» под Царев-Борисов. В **августе 1679 года** под городами Змиевом и Соколовым Донские и Яицкие Казаки атаковали азовцев и ногайцев. Отрядом численностью 3000 всадников казаков командовали: атаман Яковлев, старшина Григорий Петров, Каспулат Черкасский и воевода Козлов. Наши догнали мусульман в степях у речки Берек, где нанесли им полный разгром «...многих их побили и переранили, и языков, и кош, и лошадей побрали». За это молодой Царь Федор Алексеевич прислал всем Похвальную грамоту со станичным атаманом Максимом Лашеным и Самойлом Лаврентьевым. На Дон было отправлено Государево жалование «*денежные казны тысячу двести два рубля шестнадцать алтын четыре деньги*». Потерпев такие потери Крымский Хан Мурат Гирей решил замирииться с Москвой и послал туда своих гонцов во главе с Алим агой. Молодой Государь, имея мирные намерения о возвращении многих пленных отправляет в Черкасск и затем в Азов думного чиновника **Ивана Сухотина** и дьяка **Василия Михайлова** для продолжения действий по заключению мира.

Летом **1680 года** 19 летний **Государь Царь Фёдор Алексеевич** сочетался браком «с *девицею Агафьею Семеновной Грушецкою*». Историк Татищев так писал про царя: «...полюбя Грушецкую, ни на ком, кроме ея, жениться не хотел. Мама его и дятка, хотя женить его на иной, Грушецкую многими неистовства порицали, но он, уверясь от нея самое, сочетался». Брак царя Фёдора Алексеевича с Агафьей был устроен его ближайшими фаворитами окольничим Иваном Языковым и постельничим Алексеем Лихачёвым. Сразу позже они становятся главными советниками молодого Царя. Свадьбу отпраздновали без всякого чина и пышности, очень скромно. Сразу после свадьбы царь занялся постройкой новых деревянных хором как для себя и своей супруги, так и для своих сестёр, «*больших и меньших царевен*».

Фёдор в это время произвел много строительных работ в Кремле. В указах упомянуты 55 объекта на территории столицы. Кремлевский дворец, включая хоромы членов Царской семьи, церкви, Оружейная палата, комплекс зданий приказов всё было перестроено и возведено вновь, соединено галереями, переходами и крыльцами, все эти здания были богато и поновому изукрашено. В Кремле были разведены сады, построена канализация, сделан проточный пруд и пустил туда «*потешный кораблик*».

В том же году Царь Фёдор Алексеевич заключил с Турками в городе Радзине и потом в **Бахчисарае** на реке Алме выгодный 20-летний мир. По этому договору, России возвращены все места обитания запорожских черкас или по-другому Малороссию, и все земли по правую сторону Днепра. В **мае 1681 года** в Московском Успенском Соборе провозгласил **Бакчисарайский мирный договор** думный дьяк **Емельян Украинцов**. Договор подписанный Султаном Турецким и Крымским ханом Мурат Гиреем с одной стороны и Государевыми послан-

никами стольником-полковником **Василием Михайловичем Тяпкиным** и дьяком **Никитой Моисеевичем Зотовым**: «...на украинные Его Царского Величества города и земли войною не ходить; а к Киеву с городами и с землями, изстари к нему подлежащими, и от Киева до Запорожья и Запорогам быти в стороне Великого Государя Его Царского Величия... а которья пустые земли за Днепром во владении Салтана Турского, и на тех землях городов и городков не делать... плавать Днепром для рыбной ловли по всех степных речках на обеих сторонах Днепра до устья Черного моря ездить вольно же... Запорожские Низовые казаки в Сечи и около имеют быти в стороне Его Царского Величества... Малороссийские города и народы быти в стороне Царского Величества».

Хорошая жизнь Государя Фёдора Алексеевича продолжалась недолго, летом 1681 года у него рождается первенец Илья, но умирает Царица Агафья, а следом и новорожденный сын. Такое горе привело молодого человека в длительный стресс, после которого он всё чаще стал болеть. По совету старших Царь, будучи уже болен, через некоторое время в феврале 1682 года, сыграл скромную свадьбу с 15 летней **Марфой Матвеевной Апраксиной** сестрой будущего адмирала Федора Апраксина прославившегося при Петре Первом.

Тем временем молодой **Царевич Петр Алексеевич** с малых лет вместе с дядькой **Иваном Хитрово** гулял у Преображенского пруда и видел лодки под парусом. Глядя на рыбаков умело управлявшими своими ботами заразился идеей, когда вырастит научиться так же владеть этими малыми судами. Ему в это время 8 лет и его сознание впитывает в себя всё самое наилучшее. Старший брат Фёдор никогда не давал в обиду Ивана, Петра и мачеху Наталью Кирилловну, получившую от врагов за свойства своего характера прозвище «медведица». Многие тётки и сестры Царя не любили Наталью и требовали от молодого Царя удалить её и отпрыска от Двора. Молодой Государь помнил, что именно она ухаживала за больным отцом Алексеем Михайловичем и очень был благодарен ей всю жизнь. Фёдор Алексеевич хоть и был молод, но старался навести порядок в различных «приказах». Чиновники московские бывало приходили на службу после полудня. Государь издал указ «боярам, окольныхчим и думным людям съезжаться в Верх в первом часу и сидеть за делы», то есть 10 часовой рабочий день начинать с рассвета (5 часов и 5 часов перед закатом), сам он так же старался планировать свой день. Всю эту энергию преобразования, я так думаю, впитывал и малолетний Петр старавшийся во всем походить на своего старшего брата. Судьба распорядилась так, что недолго пришлось прожить **Государю Фёдору Алексеевичу** с Марфой, через 2 месяца **27 апреля 1682 года** он внезапно **скончался на 21 году** своей жизни, не оставив наследника и не назвав приемника. Ходили слухи что его отравили немецкие лекари по приказу одного из бояр, но смерть его так и остается загадкой. Похоронили Фёдора Алексеевича в Архангельском соборе Кремля.

Сильвестр Медведев в своем «Созерцании лет» пишет: «...богу того хотяшу Великий Государь и Великий Князь Феодор Алексеевич вконец изнеможе и в 13 часу дня, в четверок, от жизни сея отиде. Царствова 6 лет и 3 месяца». Претендентом на Русский престол являлся 15 летний младший брат Фёдора **Иван Алексеевич Романов**.

Семейство Нарышкиных всячески оговаривало Ивана, называя его слабоумным. Он же просто не хотел быть властителем и относился к этому без интереса, поэтому предложено выбрать **Царем** 10 летнего **Петра Алексеевича Романова**. Было опубликовано Воззвание Патриарха Иоакима к народу и Государственным Чинам об избрании Петра Царём и Самодержавцем. В борьбе за власть бились родственники: за Ивана-сестра Царевна Софья и Милославские, за Петра-Нарышкины. Софья, которой 25 лет, была не красавица, «толста и широка при малом росте», но политический ум был широко развит и тонок от природы. Возможно ей брат Фёдор перед кончиной дал указание разобраться со стрельцами и казнокрадами, которые «били челом» перед самой смертью Царя. Софья непосредственно имела доступ к больному брату, а за ней стоял более серьёзный и влиятельный человек Василий Голицын. Все свидетельства истории указывают, что именно она являлась главным лицом этого так называемого бунта.

3 мая 1682 года была послана на Дон **Донским Атаманам и Казакам Фролу Миняеву** *«Известительная грамота о вступлении на Престол Всероссийский Государя Царя Петра Алексеевича и об учинении Ему в верности присяги от всего Войска»*. В Москве в это время находился **станичный атаман Пахом Сергеев** с товарищами, которые *«перед святым Евангелием веру учинили»*. На Дон был послан с грамотою и *«крестопроводной книгой»* стольник Егор Янов.

17 мая этого года произошло принятие присяги царю **Войска Запорожского** обеих сторон Днепра и **гетмана Ивана Самойловича** *«на верность службы Государю Царю Петру Алексеевичу»*. Присягу проводил Думный дворянин Иван Афанасьевич Желябужский и дьяк Максим Бурцев. С ведомостью в Москву послан был жилец Корнила Желябужский. Пока на Дону и Днепре происходила присяга, в Москве начались новые события.

До этих дней во дворце был учителем Царских детей и по совместительству придворным поэтом и мыслителем полоцкий еврей **Самуил Петровский-Ситнианович** (после крещения Симеон Полоцкий). Связь Голицына и Симеона двух образованных людей, умевших влиять на царевичей неоспорима. Он был сторонник просвещённой монархии, всячески возвышал авторитет царской персоны, первым ввёл в России понятие *«царь-солнце»*. Симеон просил ещё Государя Фёдора Алексеевича совершать праведный суд над народом *«равно судити мала и велика на лица не зри, равен суд твой буди»*. Однако Симеон умер в 1680 году и его место занял книгохранитель и печатник двора Сильвестер Медведев, сторонник латинских книг и всего западного. Он был душой этого окружения, а Голицын непосредственным руководителем. Боярину **Василию Васильевичу Голицыну** исполнилось 39 лет, он был женат и имел детей. Став фаворитом при Дворе и пылкая любовь Софьи, давала ему в руки власть. В исторических документах остались данные, что *«для прилюбления»* он клал в пищу Царевне различные травы и коренья.

Ещё при жизни Фёдора Алексеевича, восстал стрелецкий полк **Семена Грибоедова**. В челобитной было указано, что он забирал у стрельцов часть жалования, заставлял работать на строительстве своего дворца в том числе копать пруды и делать платины. Принудил солдат валить лес, косить сено на полях, использовал их не только в ратной службе. Очевидец тех событий писал: *«своих тяжелоносия не возмогающе к тому терпети... неправедном порабощении от него и немилостивом в наказании»*. В начале мая стрельцы другого полка Матвея Кровкова подали челобитную Государю. Приказ был наказать виновных полковников *«бить им батоги»*, но не всех. Хоть этот указ исполнялся принародно, но он не удовлетворил всех стрельцов, особенно подчинённых стрельцов полковника Никиты Колобова. Восстало в Москве 16 стрелецких полков по численности до 1000 в каждом. Возможно Софья и Голицын дали тайную команду полковникам, разобраться с кланом Нарышкиных, которые как бы отравили Фёдора при помощи врача еврея и так же поступят с Петром Алексеевичем. Ближайшая подруга Софьи, девица Родиница, была замечена в стрелецких кварталах, она раздавала деньги и давала различные обещания командирам.

15 мая 1682 года боярин Милославский и его племянник Толстой проскакали по стрелецким слободам и звали стрельцов в Кремль крича, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Стрельцы в одних красных рубахах, с саблями, пиками и палашами осадили царский дворец, крича что хотят отомстить за смерть Фёдора, маленьких Петра и Ивана.

Наталья Кирилловна показывает царей. Художник Н. Дмитриев-Оренбургский.

Пытаясь их утихомирить с крыльца царского дворца Натальей Кирилловной были показаны живые молодые цари. К бунтующим стрельцам спустился Патриарх, но всё пошло по другому сценарию *«и склонивши наперед себя копши и со всяким оружием яро видно зело на крыльцо по лестнице мимо святейшего патриарха поидоша в Верх»*. Первым убили Артемона Сергеевича Матвеева и полковника Григория Горяшкина, затем князя и боярина Михаила Юрьевича Долгорукова, сына боярина Петра Михайловича Салтыкова Федора, приняв его за Ивана Нарышкина. Затем стрельцы зарубили Афанасия Нарышкина и полковника Андрея Дохтурова и далее всех, кто попадался под руку, крича казацкое *«любо, любо»* и началась неконтролируемая резня.

Книгохранитель печатного двора Сильвестер Медведев пишет: *«...убивши же тако, с высокости ис палат телеса на землю бросали зело немилосердно, и на земли уже мертвое тело, ободрав всю одежду, немилостиво секли бердышами и кололи копьями»*. Не только в Кремле шли убийства, князя Григория Ромодановского поймали у Чудова монастыря на улице *«...и ведище его за власы и браду зело наругательне терзаху и по лицу биюще и подняя вверх на копях, опустив на землю, всего изрубили»*. Около Грановитой палаты убили посольского думного дьяка Лариона Ивановича, уже ночью нашли и убили боярина Ивана Максимовича Языкова и его 9 холопов. Далее настоящий свидетель этой бойни повествует: *«Егда же кого убиют и збросят с Красного крыльца, нагого человека, взем за ного и вонзя копы в тело, влачили по улице в Спасские ворота на Красную площадь... и повергие пред Спасскими враты у Лобного места, сечаху во бердыши многия люди мертвое тело наругательне, и пресекие с костьми в мельчайшия частицы, яко отнюдь невозможно знать, что человек ли то был, тако отхождаху»*. Крича всюду *«любо, любо»* стрельцы заставляли весь окружающий народ так же кричать, а кто был не согласен тех убивали. Этот призыв, как мы знаем, был присущ Донским Казакам, видно стрелецкий народ сталкиваясь с казаками в боевых действиях воспринял от них этот способ коллективного одобрения своих действий. На другой день были убиты думный дьяк Аверкий Кирилов, доктор Ян Гутменц, стольник Михаил Дохтуров. Восставшие неоднократно приходили на двор Патриарха искать спрятавшихся, тот никого не выдал.

Стрелецкий бунт. Старинная гравюра 18 века. Неизвестный художник.

17 мая стрельцы пришли к **Государыни Натальи Кирилловне и Петру Алексеевичу** и велели выдать её отца Кирилла Нарышкина. Стрельцы, угрожая ей требовали в противном случае, перебить всех бояр. Софья и бояре оказали на Наталью Кирилловну сильное давление «...*брату твоему не отбыть от стрельцов; не погибать же нам всем за него*». Обыскав весь дворец и не найдя последнего захватили Ивана Кирилловича Нарышкина «...*зверски похватившие отнюдь немилосердно пытали страшными пытками и нагого из застенка вывели на Красную площадь, поставя его меж мертвых посеченных телес стояща, обступя вокруг, со всех стран вкупе копьями збодоша и оными подняли кверху и спустя руки, ноги, голову обсекли и голову возноша на дерево высоко, все тело его в мелкие частицы изсекоша*». Вся Красная площадь была завалена мертвыми телами. Убитые лежали несколько дней и родственникам запрещали их забирать и хоронить. Позже в Москве началась грандиозная попойка. Стрельцы грабили винные погреба, ходили пьяные по улицам с гулящими девками. Кричали и матерились «...*нелепые словеса глаголати... называются государевою надворною пехотою, а не стрельцами*». Боярина Кирила Полуектовича Нарышкина, деда Петра, «*ради величайшаго прошения и многих слез*» со стороны царских родственников, найдя в Кремле под большим караулом отправили в Чудов монастырь и постригли в монахи отправив его на Белое озеро. Государственная власть была уничтожена: царём номинально оставался малолетний Пётр, но никакого дееспособного правительства у него и матери не было. Все их родственники и сторонники были либо перебиты, либо бежали из Москвы, спасаясь от стрельцов. Выборные от бунтующих полков подали царю челобитную выплатить всю задолженность по жалованию, которая составила по их расчётам 240 000 рублей. Конечно таких денег в казне не было, но приходилось это требование удовлетворить. Василий Голицын и 25 летняя Софья распорядились собирать для этого средства по всей стране. Они давали указания переплавлять на деньги золотую и серебряную посуду из царских дворцов.

Голицын и Софья, победив всех своих противников, враз остановили этот кровавый переворот. Из церковных средств были выданы ранее обещанные деньги по 10 рублей на каждого стрельца. Но этого некоторым было маловато, и старослужащие стрельцы требовали «*служенные годы лет за 20 и за 30 имать жалование*». Из Стрелецкого приказа принесли бумаги и по указам **боярина Ивана Андреевича Хованского** были розданы все долги. Взамен этого стрельцы по договорённости с Софьей быстро очистили Красную площадь от трупов «*телеса побитых с площади свезены и погребены быша от сродственников их*».

Через неделю, **23 мая 1682 года**, выборные представители от стрельцов пришедши к Красному крыльцу в Кремле, под руководством князя и воеводы Ивана Хованского, обратились к Софье Алексеевне и всем думным боярам с предложением «*чтоб на Московском царстве были два царя, яко братия единокровнии: царевич Иоанн Алексеевич, яко брат больший, и царь да будет первый; царь же Петр Алексеевич, брат меньший- и царь второй*». Если это требование будет не выполнено, то они обещали «*мятеж не малый*». Срочно был созван Московский Собор и в Грановитой палате Патриарх Иоаким и митрополиты, архиепископы и архимандриты и другие московские люди утвердили это предложение.

Венчание на царство царей. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

«*И желая всему государству тишины, чтобы смущения и мятежу в народе не было*» Иоаким велел бить во все колокола и в Соборной церкви «*поставивши государей на царском месте ровно: во-первых, царя Иоанна Алексеевича, также царя Петра Алексеевича*» провозгласил двое царствие. Это событие можно видеть на старинных гравюрах того времени, «*Венчание на царство*» Царей Иоанна и Петра Алексеевичей, за их спинами стоит Царица Софья. Далее она призвала к себе «*выборных, по человеку от полка*» и велела готовиться к присяге Царям, было всё исполнено вскоре «*учинили веру и целовали крест*». После церемонии два Царя «*солдат пожаловали, велели их поить и кормить по два полка в день*».

В **Разрядной книге** 29 мая 1682 года была сделана запись и составлен акт, о том, что Великие Государи «*посоветовавшись с матерью своей Натальей Кирилловной и со своими государскими тетками и с сестрами и благородными царевнами и своим богомольцем патриархом Иоакимом и всем освященным собором*» вручить **правление всего Московского государства** благородной **Государыни и Царице, и Великой Княжне Софии Алексеевне** (ей 25 лет): «*...со многими прошением, для того что они в юных летах, а в великом их государстве долженствует ко всякому усмотрению многое правление... упрямудрити паче инех, и кроме ее правити Российское царствие никому невозможно*». Софья конечно немного как говорят ныне «*повыдывалась*» и после настоятельных просьб всего окружения «*...той превеликий труд восприняти изволила*». Царица приказала всем думным чиновникам дела докладывать только ей «*...и за теми делами изволила она, государыня, сидети з бояры в палате*».

Во всех указах было приказано упоминать обязательно её имя и писать только так: *«Великие государи Цари и Великие Князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и сестра их, Великая Государыня благородная Царевна и Великая Княжна Софья Алексеевна всеа Великия и Малыя и Белья России»*.

Царевна Софья. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

5 июня 1682 года посланы Похвальные грамоты на Днепр и Дон казакам о принятие присяги *«на верность своей службы учинили обещание... служить постоянно и подданство свое сохранили... служили так же как нашему блаженному брату Феодору Алексеевичу»*. В Киев на усиление посланы два Белгородских полка под руководством стольников **Бориса Гавриловича Леонтьева** и **Максима Лупандина**, а в Запороги к кошовому атаману **Трофиму Волошенину** послано царское жалование по 10 рублей на человека.

27 июня 1682 года послана из Москвы с **подполковником Борисом Васильевичем Головиным** *«Окружная известительная грамота Государей Царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича Донским Атаманам и Казакам»*. Привезена была *«крестоприводная книга»* в которой каждый из казаков ставил собственноручную подпись на верность Царям. Приказано было дать Головину 4 казаков в помощь и направить на верхний Дон и на Хопер в казачьи городки *«для привода к крестному целованию»*. Позже летом этого года на Перекоп в Крым приходили калмыки под командованием Шатыр Кошки и взяли в плен 15 человек и много *«животины и овец»*, на что Крымский хан Мурат Гирей пожаловался молодым Московским Царям.

Софья, Иоанн и Петр. Гравюра 18 века. Неизвестный художник.

Войсковому атаману Фролу Минаеву пришлось писать *«отписку»* напрямую Крымскому хану, где тот пишет, что Донские Казаки этим летом в *«поиск»* не ходили. Он требует так же унять азовского Сюин бея, который делает периодически набеги на казачьи юрты. Казаки с атаманом Иваном Лукьяновым ходили на Волгу и на Ахтубу против *«диких калмыков»* и был у них бой и один пленник был послан в Москву.

В столице после первого стрелецкого бунта **князь Иван Андреевич Хованский** приверженец старой веры, как и боярыня Морозова, приобрел среди стрелецкого войска и так называемых *«раскольников»* большую популярность. Он становится высшим стрелецким начальником и непосредственным посредником между правительством, православной церковью и старообрядцами. Он подаёт *«челобитную»* Патриарху Иоакиму от раскольников о восстановлении настоящей старой веры, которая была до Никона. Жестокие гонения на них были неоправданны со стороны церковной власти. Староверы ни разу не оказали сопротивления властям ни раз не брали в руки оружие их протест был всегда пассивен. Они уходили из деревень в леса и степи, бежали за пределы Руси и не выступали против Царя. Они занимали оборонческую позицию, как например так называемое *«соловецкое сидение»* 1676 года, когда они 8 лет выдерживали осаду царского войска в Соловецком монастыре. Среди стрельцов было много сторонников старой веры и видя, что царская власть на данное время слаба решили уговорить молодых Царей вернуться к исходной вере, прося восстановить на Руси *«древнее благочестие»*. Сам Патриарх как-то сказал *«...я не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят государи, то и готов творить и слушать их во всем»*.

5 июля 1682 года в Грановитой палате состоялись прения *«пря о вере»*. Староверов возглавлял священник **Никита Добрынин** из Суздаля, прозванный дьяками **Пустосвятом**, так же нижегородец Сергей, расстрига Саватий, поселянины Дорофей и Гавриил. Хованский хотел, чтоб прения вели только церковные служащие, но Софья решила так же присутствовать. В *«государскую Переднюю палату»* архиепископ Афанасий и епископ Леонтий принесли старые греческие книги и *«словенские на харатиах»*, т.е. на пергаменте. Патриарх боялся выходить к народу без Царей и говорить о вере, так же уговаривал Софью Алексеевну не вступать в спор. **Князь Иван Хованский** придя в Царские палаты и обратился ко всем правителям со словами *«...есть ли патриарх от вас, государей, к народу, его ожидающему на площадь со властью не пойдет, то народ, яко же и прежде, к ним, государям, в Верх хоцут идти со оружием и всего освященного чина на убиение»*. Видя такое напряжение Софья решила выручать тихого Иоакима и выйти к народу. Она сказала: *«И того ради аз, грешная, за святую православную церковь и за патриарха нашего пастыря готова душу свою днесь без всякого страха положить. Иду к народу в Грановитую палату. И аще кто со мною хоцет идти, той ми да последует»*. Все тетки и сестры царские и Патриарх спустились в низ и сели на Царские места *«седоша сице на дву государских местах: на едином тетка их государская Государыня Царица и Великая Княжна Татиана Михайловна, на втором их царская сестра Государыня*

*Царица и Великая Княжна Софья Алексеевна. Под ними же на креслах Государыня Царица и Великая Княжна Наталия Кирилловна, Государыня Царица и Великая Княжна Мария Алексеевна. На креслах же, вране, святейший Иоаким патриарх». Князь Хованский велел впустить раскольников «со свещами и свечами, со аналогиями и с камнями, со иконами и с тетратками и книгами». Расставив всё это, они не просили благословения Патриарха, это считалось своевольем, начали громко говорить. Стали читать челобитную с обличениями нововведений **Никона**, церковники не могли ничего возразить, тогда Софья громко и с напором сказала: «...если патриарх Никон еретик, то и отец наш, и брат так же еретики стали? Выходит, что и нынешние цари-не цари. Патриархи и архиереи не правители церкви. Мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат-еретики, мы пойдём все из царства вон».*

Князь Иван Хованский. Гравюра 18 века. Неизвестный художник

Бояре и сам Хованский ответили «зачем царям-государям из царства вон идти, мы рады за них головы свои положить». Почти все стрелецкие капитаны и раскольники начали молиться по-старинному «двумя перстами» и отвергая Святую Троицу упоминая учения апостола Павла вышли из Палаты с криками победили, веруйте: «Победихом, победихом! Сице, сице! Тако, тако!».

Все Государыни сошли в зал со слезами «с престолов царских, на них сидеша, сидиоша плачущесея». Сама Царевна со слезами обратилась к выборным стрелецким людям, хоть как-то утихомирить раскольников. Те выйдя на лобное место, расставили свои иконы и начали учить простой народ. Всем показывали, как надо креститься двумя перстами «...тако веруйте. Мы всех архиереев препрехом и посрамихом! Тако творите!». Позже Софья, подкупив большим жалование некоторых стрелецких полковников, которые тайно арестовали Никиту Добрынина и быстро без суда приказные люди казнили его «отсечена бысть глава его на Красной площади». Остальных раскольников захватили и выслали в дальние монастыри.

У Сильвестра Медведева находим такую цитату: *«...и от того времени раскольники по царствующему граду ходити явно по площадям и по торгу престали доселе-тайно же и ныне по дворах блядословят»*. Это глагол употребляли русские люди уже в года, у Медведева он встречается дважды.

Обстановка в Москве оставалась не стабильная и Царевна Софья Алексеевна принимает решение убрать из столицы молодых Государей в **село Коломенское** в хорошо укрепленную **Троице-Сергиеву Лавру** пока всё не утихнет. Там же Софья получила *«подметное письмо»* из столицы в котором приближенный к Хованскому полковник докладывал, что тот хочет убить молодых царей *«царский корень известь... и назвать вас Государей еретическими детьми и убить обоих и царицу Наталию Кирилловну и царицу Софью и патриарха, и влостей... а на одной царевне князь Андрею жиницца, а остальных царевен постричь и разослать в дальние монастыри... и на царя избрати, егда не князь Ивана ли Хованского хотяху на царство посадити»*.

Бояре и Хованский хотели назначить Патриархом такого, *«который бы старые книги любил... а дали нам всем по 200 рублей денег человеку и пожаловать гостиным имянем и торговать вовеки безошлинно»*. Это всё предполагали исполнить в августе месяце на празднике пресвятой Богородицы при крестном ходе в Донской монастырь.

В **сентябре** наступил новый **1683** год, Царей в Москве не было и командовал всем **боярин Иван Хованский** *«...и детям своим названным, служивым, зело во многих делах угоджая, потакал, делал по их воли мимо всякие правды, собою, многия дела без доклада великих государей»*. Сильвестр Медведев наблюдал, как вел себя Хованский *«...а около его кореты в города ходили стрельцы человек по 50 и больше с ружьем, чего никогда не бывало и караул у себя ради своего бережения ученил на дворе-стрельцов стояти непрестанно человек по 100»*.

Видя такое положение дел Софья от лица Государей разослала тайные грамоты во Владимир, Суздаль, Юрьев Польский и другие города с призывом к стольникам прийти на помощь к молодым Царям. Хованскому был приказ от Царей выйти на встречу к селу Воздвиженское на встречу войскам гетманского сына, вышедшего из Малороссии. **17 сентября 1683 года** он был захвачен вместе со своим сыном Андреем на дороге в селе Пушкине. Был издан срочно приказ с перечислением всех вин Ивана Хованского и вынесли решение *«за все такая ваши великие вины и за многия воровства и за измену-казнить смертию»*. Сильвестр Медведев пишет: *«...и абие в той час в селе Воздвиженском на площади при всех боярех и при всем тамо народе отсекоша им главы их. И по их казнении в нощи под 18 число сын князь-Иванов, князь Иван же. из Воздвиженского села во град Москву и сказал стрельцам, что отца его бояре убили»*. Он, будучи свидетелем этих обстоятельств сказал: *«И тогда паки наста велие смущение в служивых людех. Паки неукротимая ярость и беды несказанныя обьяша весь царствующий град»*. Везде начали звонить колокола, по всей столице прошел ропот среди народа, что бояре решили уничтожить всё население. Они как бы задумали сжечь посады и слободы вокруг Москвы. Все люди начали бояться своих соседей. Стрельцы были в замешательстве, так как привыкли что есть руководитель, который думает и даёт команды.

Патриарх Иоаким остался один и к нему в Крестовую палату начали постоянно приходиться различные граждане Москвы прося помощи и совета. Народ выливал ему всю боль и злобу *«противно же глаголати им, яко несмысленным, отнюдь было невозможно: такое бедство, что молчати трудно, глаголати же что-бедно»*. Заставляли его писать грамоты в Запороги черкасам чтоб те пришли *«на помощь против бояр»*. Восставшие стрельцы протрубили *«в барабаны в сбор и начаша вси собиратися в поход со всяким ружьем на бой и с пушками»*. Иоаким всячески отговаривал полковников вести войска против молодых Царей и Цариц. Ему грубо отвечали *«есть ли ты мыслишь с ними заодно-убием ты и не пощадим никого же»*.

Народ московский просил спрашивал в недоумении и слёзно оставшегося правителя *«...почто государи Москву покинули и ныне у нас правителя нет!? Изволь государем отписать, чтоб пришли к Москве»*. **18 сентября** прибыл к Патриарху от государей стольник **Петр Петрович Зиновьев** с грамотой, где было описано все дела изменника Хованского и решение о его казни. Эту грамоту читали неоднократно в Крестовой палате всем людям, приходившим узнать правду. Сын казнённого Иван Хованский младший призывал *«пойдем за бояры и их победим»*.

В Троицком монастыре, Царевна Софья Алексеевна назначила дворовых воевод в походе: боярина **Михаила Ивановича Лыкова**, думного дворянина **Алексея Ивановича Ржевского**, думного генерала **Агея Алексеевича Шепелева**. Они собрали все войска и сделали укрепления вокруг монастыря, поставили стражу и караулы по стенам, разместили пушки по башням *«...и всякий полковой стой устроили»*. Так же начали укрепляться к осаде в Москве. Из государственных хранилищ выдали оружие и порох. С Пушечного двора свезли пушки и поставили на нужных местах. Хоть и противника не было видно, но все стали стрелять и день и ночь, как бы страшая неприятеля и никого из Москвы не выпускали. В простом народе нарастал страх *«...и от тех страхов начало было быти великая скудность убогим людем в хлебе и в дровах»*.

От Царей по прошению Патриарха в Москву прибыл боярин **Михаил Петрович Головин** с небольшим штабом, на которого пало много тяжестей *«стяжав терпение и досаждение немало»*. 21 сентября прибыла новая грамота к Патриарху с думным дворянином **Лукьяном Тимофеевичем Голосовым**. В ней приказано было служилым людям идти к Царям на покаяние и снять военные посты со стен Кремля. Все боялись того что во время похода их поубивают без всякого суда как бунтовщиков. Московские сидельцы послали парламентариев по 20 человек от полка к царскому двору. Парламентариев приняла Софья Алексеевна и долго их знатных воинских людей упрекала и стыдила, те плача на коленях просили прощения. Царица приказала прекратить всякую стрельбу в Москве, разоружиться и только тогда Цари придут в столицу. В октябре месяце из Москвы прибыли парламентарии с челобитной. Царевна Софья приняла их слезные заверения *«...восставшие обещаю совершенно служить без всякого злохитрства верно вся дни живота своего»*. Послана была грамота в Москву *«с объявлением восставшим полного прощения за смятение»*, которая была зачитана перед народом и всеми пехотными полками Патриархом Иоакимом. Грамота была со многими статьями, которые потом долго разбирались в полках и все согласные ставили подписи под присягой. Вот такая статья, например, в этой грамоте была *«...никаких сборов не чинить и с ружьем в город и никуда не приходит и кругов по-казачью не заводит и воровских ясаков не вымышлять и каланчей не именовать и мимошедших дел не всчинать и не делать и тем не похваляться и никому не угроживать»*.

Началась слякотная осень и в народе начался голод и разруха, а в Троицком монастыре всё ополчение, прибывшее по зову к Царице и Царям, было щедро награждено и велели всех поить из царских запасов. Также получили премию и земли разные государственные чины и больше всех получил боярин и дворовой воевода князь Василий Голицын.

6 ноября 1683 года Цари и Великие Князья **Иоанн и Петр Алексеевичи** со всем своим Двором *«...ис похода своего из Троицкого Сергиева монастыря в царствующий град Москву внидоша мирно»*. Самых решительных стрельцов выслали из Москвы, некоторых казнили, многие спасаясь от власти бежали в украинные городки в крестьянском платье.

В **декабре** месяце издан указ, по которому к 7 малочисленным полкам, оставшимся в Москве из других городов велено быть в столице ещё 5 ново организованным полкам: из Киева 3, и из Батурина и Переяславля по одному. Всего численность новых подразделений дошла до 9512 человек, против прежних 14 198, сократили старых стрельцов и повысили жалование новым, так же были выделены средства на строительство домов и благоустройство.

«И те, которые будут на Москве, и не были в большой штатости, государственной милости будут благодарны и станут простиратца на всякое добро и свою братию тому обучать станут».

Вот так прошла зима в столице, а на Волге в **марте 1683 года** собрались казаки с Дона и пришли на защиту Царицына с **походным атаманом Фомой Савостьяновым**. Один отряд под руководством **походного атамана Максима Лащенова** и **станичного атамана Дмитрия Мухина** ходил «поиском» на луговую сторону Волги на разведку к калмыцким улусам, «многих побили и в полон взяли одного колмычанина». Сам Мухин позже привез этого пленника в Москву и был пожалован «царского величества жалованием». Далее в мае месяце под **крепость Красный Яр** приходили «калмыки, едисаны и енбулуки войною». Вместе с гражданами и воеводой Красноярским Григорием Тараковским казаки с **атаманом Иваном Тимофеевым** в бою «многих переранили». У этой крепости на Волге находились казаки **походного атамана Любима Архипова**, которые ходили «под калмыцкие шляхи и выше Бончака, против Толоконных гор взяли 5 человек татар и прислали в Москву 2 человек». Казаки докладывали Царям о том, что Астраханский воевода Алексей Головин не справляется со своими обязанностями и был указ князю Андрею Голицыну завести дело на этого начальника и «воеводу с Астрахани переменить». В мае месяце Государи направили Похвальную грамоту на Дон.

Летом из Черкаска вышел другой отряд казаков численностью в 3000 человек под руководством походного атамана **Максима Скалозуба**. Они решили перейти Волгу и взять город Терек и потом перезимовав идти на Персидские владения. Всё это войско подошло к **Царицыну** на 60 лодках. Из крепости была послана разведка, с требованием показать грамоты от Царя на этот поход, но таковых у казаков не было и гарнизон принял оборону как против бунтовщиков. Проплывая мимо казаки были атакованы артиллерией и бой продолжался 5 часов, было убито много царицынских воинов. Комендант Царицына начал переговоры с казаками и пугая царским гневом многих переубедил вернуться назад на Дон, но 1000 человек со Скалозубом поплыли вниз по Волге. Разгневанные государи дали команду атаману Фролу Минаеву поймать его и отправить в Москву. Скалозуб отправился от устья реки Урал вверх мимо Гурьева городка и встретил кочующих калмыков улус Аюкина брата Замсы, Разгромив этот улус, взяв в плен 30 человек и пошли далее по Яику к улусу Аюки-тайши и разгромили его и захватили земляную крепость. В этом кровопролитном бою был убит Скалозуб и на его место избран Иван Романова сына Беркулата. Аюка хан, собрав свои основные войска в 40 000 всадников приступил к этой крепости и 15 дней её осаждал. Казаки отбивались очень удачно, стреляя из пушек и пицалей, в итоге калмыки, потеряв 5 000 человек отступили к Волге. Была уже осень и казаки пошли дальше вверх к Яицкому городку. Оттуда они направили в Москву «*станицу*» о действиях своих против калмыков, испрашивая дальнейшие повеления.

Летом 1683 года, не смотря на заключенное перемирие, азовцы продолжали набеги на верховье Дона. Вот цитата из грамоты молодых Царей Крымскому хану Мурат-Гирею взятая мной из книги В.Д.Сухорукова, о боях при речке Лиски и освобождении русских пленников:

„ Писали къ намъ В. Государемъ къ нашему Ц. В. съ Дону донскіе казаки, что іюня мѣсяца въ разныхъ числѣхъ приходили войною азовскіе татарова, совокупясь съ горскими черкесами, подъ ихъ казачьи верховые городки подъ Пацшицъ и подъ Качалинъ и многихъ казаковъ лобили и скотъ весь отогнали, и они казаки увидя такое отъ тѣхъ татаръ разореніе и многіе досады, послали казаковъ за тѣми татарами въ погоню, и тѣ казаки дошли ихъ въ степи у рѣки Дона на рѣчкѣ Лискѣ, и былъ у тѣхъ казаковъ съ тѣми ворами съ азовскими татарами и горскими черкесами, которые подъ ихъ казачьи городки приходили и потромили, бой, и на томъ бою казаки взятой русской полонъ и скотъ у нихъ отбили и въ полонъ ихъ самихъ взяли нѣсколько человекъ.“

Фрагмент из книги историка В.Д.Сухорукова. «Историческое описание земель Войска Донского».

В сентябре на Дону выбрали нового Походного атамана **Ивана Семенова**, Войсковым Атаманом остался **Фрол Минаев** и московские правители отправляют к казакам через Волуйки на подводах в Черкасский городок **стольника Михаила Федоровича Арсеньева** с грамотою. Цари просили собрать Войсковой Круг и довести до всех информацию о мятеже.

В своей грамоте Цари Иоанн и Петр Алексеевичи выражают похвалу и милость всему Войску, что они верны были своей присяге в отличие от московских стрельцов. Они просят найти на Дону беглых воров, староверов и бунтовщиков: серебряного ряда торгового человека Гришку Раскащика и Елецкого кузнеца Кузьму Долгошея, которые подложными грамотами в народе *«мутят воду»* подбивая на *«смуту»*. Для утверждения новой веры Государь присылают на Дон церковных служащих: меня Михаила и подъячего Кузьму.

Весной Государь Иоанн и Петр Алексеевичи приняли **станичного атамана Ивана Размачева**. Они простили самовольные поступки казаков на Волге под Царицыным и велел им идти на Дон. На Самаре им были приготовлены 4 больших струга, но этот поход был для казаков атамана **Ивана Беркулата** очень тяжелым, им пришлось даже оставлять больных и раненых в волжских деревнях. Летом этот поход завершился в Паншинском городке.

В **октябре 1684 года** в столицу отправляется **станичный атаман Яков Черный** с товарищами. С ними возвращается стольник Михаил Арсеньев и везут они *«вора Костку Леонтьева с воровскими прелестными и возмутительными письмами»*. Государь пожаловали казакам премию 1000 рублей денег, да 500 ведер вина и благодарность. Вора Костку в столице пытали и выяснили, что *«те письма велел свезть на Дон для смуты москвитянин церковный раскольник Басманной слободы тяглец Васка Симонов с товарищем Савкою Грешным»*. Цари и в их лице Царица Софья Алексеевна приказали далее отыскивать *«церковных раскольников»* и *«имать и держать у себя в Черкаском за крепким караулом... а пристанища им воров у себя в войску и в верхних городках по рекам Хопру и по Медведице отнюдь не давали... пристанища их разбить и пожечь... и всему Войску Донскому учинить крепкое и радетьное остерегание... а служба ваша у нас, великих государей, забвенна не будет, в том бы вам на нашу государскую милость быть надежным»*. Вместе с Черновым и есаулами в ноябре Государь отправили *«многое нескудное и излишнее жалование, деньгами и сукнами, и соболями за ваши же службы паче прежнего»*.

Сразу же Государь отправляют на Дон **подъячего Петра Ахматова** с приказом не посылать казаков в помощь к калмыцкому Аюка-тайше на Дарьинского хана. В столицу приходила *«станица»* атамана **Сафона Семенова** с жалобой на стольника Михаила Опухтина, который убил станичного атамана Ивана Розмачева.

В **январе 1684 года Царь Иоанн Алексеевич** ему 17 лет, вступил в брак с дочерью Боярина Федора Петровича Салтыкова, дочерью **Параскевой Фёдоровной**, о чем была послана грамота Запорожскому гетману Ивану Самойловичу. Ранее Государь послали свои войска в город Киев для защиты *«украинных Малороссийских и северских городов от прихода Турского Салтана и Крымского Хана»* под руководством **воеводы князя Василия Васильевича Голицына**.

Турки и запорожцы Дорошенко под Чигирином увидев быстро идущие московские войска побежали к реке Дунай, а сам правобережный гетман *«подданство турецкое отворотил и гетманство с себя сложил»*. За это Голицын получил от своей любовницы Софьи Алексеевны *«кафтан аксамитной травы золотыя по серебряной земле на соболях, кубок золочен с кровлею, денежныя придачи к прежнему окладу 700 рублей, да дать в вотчину в Суздале село Лежнево с деревнями и иных городех 100 чет»*. Меньшие деньги даны боярину и воеводе Иван Васильевичу Бутурлину, князю Григорию Афанасьевичу Козловскому, окольным: Петру Скуратову, Андрею Толстому, Венедикту Змееву и другим. Позже Голицын был назначен наместником города Новгорода.

Весной 1684 года на Дон пришли запорожские черкасы, гетман которых Петр Дорошенко недавно сложил свои полномочия проиграв сражение московским воеводам. Оставшиеся мелкие подразделения, находящиеся на службе королю, требовали пополнения в живой силе.

Царь Иоанн Алексеевич. Художник Б. А.Зеленский их книги А.В.Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения».

Польский **Король Ян Собеский** пытался оторвать Малороссию от России, хотя был заключен мирный договор. Он стал засылать *«листы и универсалы»*, зазывая запорожцев на службу с платой 12 талеров. **Кошевой гетман Григорий Сагайдачный** действовал по принципу Ивана Сирка, который умер 1680 году, с его лозунгом *«кто ляже рядом зи мною, то ще брат, а хто вище мене-той проклят»*. До сих пор украинцы провозглашают похожий лозунг *«кто не скачет тот москаль»*, прошло столько лет, а менталитет не изменился. остался в их крови. Позже запорожские черкасы отрезали от скелета Сирка руку и всюду возили с собой пугая слабого противника лозунгом *«стой, душа и рука Сирка с нами»* размахивая костью. Гетман Григорий Сагайдачный решил провести поход против турок и крымчан, помогая польскому королю, но Донские Казаки получили запрет о московских царей на любые действия против турок. У русского историка В.Д.Сухорукова находим про это время:

Въ такомъ положеніи дѣла на Дону въ маѣ мѣсяцѣ 1684 г. неожиданно явились въ Черкасскъ посланцы отъ Запорожскаго кошеваго атамана Григорія Сагайдачнаго, просить наказовъ на службу Польскаго короля, который имѣлъ въ то время войну съ крымцами и турками и съ просьбою пропустить ихъ же къ Аюкѣ тайшѣ для врученія ему королевской грамоты, кою онъ возбуждалъ калмыковъ сдѣлать нападеніе на Крымъ, обѣщая какъ Аюкѣ, такъ и казакамъ за таковое вспомошествованіе большое жалованье. Но казаки отринули приглашеніе Запорожцевъ и отобрали даже отъ посланныхъ грамоту, везенную ими къ Аюкѣ тайшѣ, подъ предлогомъ, что они безъ царской воли не смѣютъ послать къ польскому королю войскъ своихъ и дозволить пропустить грамоту отъ иностраннаго государя къ российскому подданному; грамоту эту отправили въ Москву съ атаманомъ Дмитріевымъ. Впрочемъ

Цитата из книги историка В.Д Сухорукова «Историческое описание земель Войска Донского».

Войсковой Круг направил во все городки указание, не собираться «в ватаги» и не ходить на службу к польскому королю, осушившихся ожидает смертная казнь. Даже год спустя приходили посланники от запорожского полковника **Семена Палея** и кошевого **Григория Еремеева** к донскому атаману **Фролу Минаеву**, с просьбой разрешить казакам идти на службу польскому королю. Они обещали большое жалование «... в руках моих им готово есть жалование от короля и речи посполитой... ибо как около Днепра будет не добро, так и вам худо».

Донские Казаки соблюдали перемирие, а азовские татары конным строем продолжали нападать на казачьи поселения, так **летом 1684** года они приступили к Каменскому и Луганскому городкам и грабили купеческие суда на Северском Донце плывшими с различными товарами в Черкасск. Ответные действия наступили скоро, собрав 1000 человек и посадив в баркасы атаман **Корней Матвеев** вышел в Азовское море и напал на 2 турецких судна со съестными припасами. Другие казаки числом до 3000 на конях через степи пошли в сторону **Темрюка**. По пути был бой с 500 азовцами, придя к Темрюку казаки не нашли жителей, те заблаговременно покинули город и ушли в горы, а многие вышли в море. Казаки взяли около 200 лошадей и быков, но всё по дороге съели. Назад возвращались по морю и через Казачий ерик, там на них выходил азовский паша и стрелял с берега из пушек и пищалей. Казаки высалились на противоположный правый берег и перетащив суда по суку вернулись на кануне Петрова дня в Черкасск.

После осенью станичный атаман **Фома Голодный** с 1500 бойцами на 35 стругах пошёл к **Казацкому ерику**, но азовцы поставили заслон на обеих сторонах реки и был большой бой, в котором казаки потеряли 50 человек убитыми. Азовцы понесли потери в 3 раза больше. Казаки отступили к Миусу и оставили там свои суда. Атаман Голодный сухим путём вернулись назад в Черкасск, а конный отряд из 150 человек пробрался к Перекопу и захватили там 700 отборных лошадей. Фрол Минаев отправил на телегах к лодкам на Миус свежих людей 500 человек с атаманом Иваном Беляем. Казаки оттуда предприняли поход через море к Азову, по пути разорив несколько деревень.

В **сентябре** наступил новый **1685** год и Войсковой атаман Фрол Минаев отправляет «отписку» Государям в марте месяце со «станции» атамана **Павла Никифорова**. В ней казаки просят государственного жалования так как они согласно приказа из Москвы на азовцев и крымчан ходить не смеют «... а азовцы де под наши украинные и казачьи города ходят войною непрестанно и людей побивают и в полон берут». Без государева жалования на Дону казакам «прокормиться нечем... голодной смертью не умереть и врознь не разбрестись». Царица Софья Алексеевна и молодые Государы «... за службы пожаловали 5000 рублей денег, 430 половинок сукон амбургских, 230 пудов пороху ручного и пищечного, 115 пудов свинцу, да с Воронежа хлебных запасов 6500 чети, 500 ведер вина».

Крымский хан в **августе 1685 года** пожаловался Московским государям Иоанну и Петру Алексеевичам на то что Донские Казаки ходили в Азовское море и Крым и захватили парламентариев и держат их в Черкаске. В этой грамоте он требует «... *чтоб они указали тех взятых людей Абди-агу и Чалмурзина сына отдать в Крым без окупа*». Донская «станция» возвращалась назад, и атаман **Павел Никифоров** идя на Дон мимо Каротояцких застав не дал царскому воеводе Василию Корташеву досматривать струги. Капитан Сергей Корноухов пробовал уговорить подчиниться стрельцам, но казаки «... *осматривать в стругах ничего не дали и всякие непристойные слова говорили, и капитана в воду потопить хотели*». Это неподчинение не понравилось Государям, и они приказали Минаеву допросить Никифорова и отписаться на Волуйку воеводе.

Наступил **1686 год и 22 января** Цари и Великие Князья Иоанн и Петр Алексеевичи прислали грамоту **Войсковому атаману Фролу Минаеву** с приказом отдать из плена «*черных татаровя 200 человек*» в обмен на русских пленных, которые будут доставлены от крымского хана. В марте месяце из Москвы отправлено Государево жалование со станичным атаманом **Ларионом Федоровым** и «*ельчанином*» **Саввою Семеновым** так же, как и в прошлом году «*денег 5000 рублей, 430 половинок сукон анбургских, 230 пудов пороху, 115 пудов свинца да с Воронежа хлебных запасов 6500 чети, 500 ведер вина*». В ответ казаки должны были соблюдать перемирие «*с турскими и с азовскими людьми жили мирно и без указа великих государей на них войною не ходили*».

В **апреле 1686 года** Россия заключила «**Вечный мир**» с Речью Посполитою. Договор подтверждал постановления Андрусовского перемирия 1667 года, Гетманщина стала полностью во власти Московских Царей. Киев навсегда объявлялся русским, полякам выплачена компенсация 146 000 рублей. Договор подписали **князь Василий Голицын** и поляк **Кшиштоф Гжимултовский** и воевода княжества Литовского **Александр Огинский**. Поляки признавали за Россией Левобережье, Киев, Запорожье, Самару на Днепре, Смоленск, Стародуб, Чернигов, Черкассы, Чигирин, Канев и другие города. Россия присоединялась к странам, ведущим войну с Турцией (Австрия, Венеция, Польша) и разрывала предварительные договоры о мире с Османской империей и Крымским ханством.

29 апреля 1686 года Войско Донское неожиданно для казаков получило царский указ и разрешение нападать на турок и крымцев. Молодые Цари и Софья Алексеевна ссылались на неоднократные набеги на «*украинные городы под Тор, и под Изюм, и под Соляной и на Торские озёра войною прибежали, и села, и деревни и посады разоряли и людей побивали и в полон многое число побрали... приходили под Волуйку и взяли в полон воеводу Михаила Мезенцева, а с ним многое число русских же людей*».

Государыня Царевна Софья осенью этого года собрала Думу и посоветовавшись с патриархом Иоакимом и всеми думными людьми указали дворянам, стрельцам и всяким ратным людям приготовиться для похода на Крымских татар: «... *за многое хана Крымскаго и Калги и Нарадына против шерти их несостоятельство и миру с их стороны разрушение, и за многия их грубости и к Государским посланникам и гонцам ругательство, также и к пленным Государским людям мучительство и за разорение государских украинских городов, послать с Москвы на Крым своих Государевых бояр и воевод с полками... и выб казаки к службе строились, лошади кормили и запасы готовили и совсем были наготове*».

Князь Василий Голицын в мае **1687 года** собрав большое войско до 100 000 воинов, выступил в поход на Крым. Эта армада двинулась степями от реки Самары притока Днепра и шла 10 дней. По пути следования возникли проблемы, горели степи, не хватало воды «*не токмо лошади с работы и безкормицы почали падать, но и ратным людям от трудов подорожных учинилося ослабление от солнечного зноя*». Про такое бедствие предупреждал русских гетман Самойлович. Наконец Русское войско достигло **речки Карачакрак** у самого **Перекопа**. Наши вступили в бой с передовыми силами противника, потерпели поражение

и отошли *«зачав бой с неприятелем, в пущия не вдалися трудности, чтоб не так от бою, как от конския безкормицы или от людского голоду не улучили в порядках военных какого вредительного урону, по общему совету, отдаться назад с обозы нашими несколько миль»*. Во всем этом походе одни Донские Казаки под руководством **атамана Фрола Минаева** с *«черными калмыками»* провели успешный бой с татарами у **Овечьих вод**. Казаки побили до 500 человек противника, взяли в плен 50 воинов и 400 лошадей *«...так же сабель и саадаков, и иной брони поимали многое число и весь кош их Татарский взяли и полоняников, взятых мужеска и женска полу, которые поиманы были под украинными городами, всех отбили»*. Успешно действовал генерал **Григорий Иванович Косагов** со стрельцами, они взяли крепость **Очаков**.

Донские казаки на море руководимые атаманом **Петром Калмыком** и есаулом **Василием Кутейниковом** организовали обстрел крепости с моря. После взятия Очакова, стрельцы Косагова начали там фортификационные работы. Донские Казаки продолжили морской поход. Они уже под **Темрюком** пограбили посады, захватили много пленников и отбили много *«русского ясырю»*. Тем временем азовцы, турки и татары стянули к Азову 9 больших *«каторг»* и два султана привели много конных для встречи казаков *«...и ждали наших казаков с моря и денно и ночью»*. Донцы пристали к берегу и решили сушей обойти турецкие засады. Лодки перетаскивали ночью, не проведя разведку. Противник, наоборот подготовив пушки, лодки и пеших внезапным набегом атаковал казаков и взял их в кольцо. *«И дрались с ними во всю ночь, и мочи наших с ними не стало, супротив такой великой силы, многих казаков побили и живых побрала и надругательство великое чинили и суды отбили 40 суден больших... и атамана Петра Калмыка взяли в бою израненного и в Азове казнили»*.

Московские войска терпели неудачи в боях с крымскими татарами. Наши потеряли 30 пушек, многие были убиты. Крымчане взяли в плен до 1000 человек русских солдат. По мнению генерала Патрика Гордона, это сам гетман Самойлович организовал поджог степи. Позже запорожские старшины под руководством обозного Василия Бурковского, генерального есаула Мазепы, Якова Лизогуба, Степана Забелы и других подали челобитную *«...в измене и в многом неистовстве к Великим Государям гетмана»*.

Была собрана Рада всего войска Запорожского у речки Коломака и в **июле 1687 года** на ней избрали нового **гетмана Ивана Степановича Мазепу**. Ему предписано было *«посылать войско в Крым и в Сечу, и в иныя тамошние места и над городками, и под Казыкермен и под Ачаковым чинить всякий воинский промысел»*. Этот акт в двух экземплярах с подписями всех присутствовавших лиц был сшит в книгу на 69 листах и покрыт малиновым бархатом.

Хоть первый поход на Крым и не удался, но Царевна Софья в **сентябре 1687 года** наградила **Ближнего Боярина Князя Василия Голицына** и всех участников, бояр и полковников *«кафтанами золотыми на соболях, кубками и деньгами»*. Казаки получили только награду деньгами и благодарность. Погибшим воинам их женам и детям Царевна Софья и молодые Государя велели отлить и вручить золотые медали в память за Крымский поход.

Донские казаки в этом году со станичным атаманом **Назаром Захаровым** прислали в Москву пойманных *«...воров и расколников: Самошку Лаврентьева, Пашку Чекунова, Пахомку Сергеева, Левку Белогородца, Федку Боярченка и пуцего заводчика и расколника распопу Прошку, черных попов Досифея, Панфутия, Левку Маницкого»*. В ответ на Дон была послана премия *«1000 рублей, да с Воронежа хлебных запасов 1000 четь»*.

В это же сухое осеннее время загорелся город **Черкасск**. Вот как описывает этот пожар В.Д.Сухоруков: *«...в предместье, где обитали татары, загорелся дом, пламя, распространившееся по всему предместью, немедленно перенеслось и в самый город и истребило оный до основания; при сем несчастном случае пороховой магазин взорвало на воздух, а деревянные стены вокруг, бастионы и церковь превращены в пепел»*. Ещё один документ сохранил сведения про пожар, в челобитной к Государям атамана **Корнея Матвеева** и есаула **Ивана Рябинина** прибывших в столицу говорится: *«...погорели мы всем войском без остатка и всем до конца разо-*

рились, церковь Божия и колокола, и город, и раскаты, и ваше государское жалование, снаряд, пушки большие и полковые, и свинец все погорело, и пороховая казна поднялася и у торговых людей запасы, и всякая борошен погорел, всем разорились, пить-есть нечего, а неприятельские люди нас близко, а нам обороняться нечем, и от разорения многие люди разошлись и остров покинуть хотели... окапались землею, живем в великой тесноте и терпим всякую нужду и голод».

Позже казаки послали с прошением в столицу атамана **Якова Черного** есаула Якова Савельева и Ивана Самарина дать взамен сгоревшего знамени новое. Сгорела так же церковь и обвалились колокола, потрескались от температуры и пришли в негодность пушечные стволы *«и запасы всякие погорели без остатку»*. Собранная бронза была отправлена лодками на Воронеж *«горелой меди 315 пудов»*, а далее её увезли в Москву. Погорельцам было послано Государево жалование 5000 рублей, *«...430 половинок сукон амбургских, 230 пуд пороху, 115 пуд свинца, да с Воронежа хлебных запасов: муки ржаной 6500 четвертей, 500 ведер вина, да к тому в прибавку для пожарного вашего разорения 3 пушки, 50 пуд пороху»*. Всё вроде бы дали, как было сказано в грамоте, но оказалось забыли фитили на пушки, и изготавливать их приходилось из онучей или просто из портянок. В Москву с челобитными приходило сразу несколько станиц атаманов **Ивана Беркулата, Ивана Романова и Матвея Антонова**.

Наступил сентябрь и **новый 1688 год** и Царевна Великая Княжна Софья Алексеевна, Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич (которому 16 лет) посылают на Дон с Воронежа двух священников для усиления православного верования и искоренения раскольников. Они были *«научены в божественном писании и в духовном чину искусны и расколников бы и воров пугали и от противности церковной отвращали и служили бы божественную службу в соборной церкви»*. После пожара в городе Черкаске необходимо было восстановить церковь и привести все дела в нужное состояние. Казаки в основном были старoverы, а тут как бы за грехи Бог их покарал и сжёг Храм Божий.

В январе в Москву с *«отпиской»* пришел станичный атаман **Афанасий Зерщиков** с товарищами и доложил Государям, что калмыки Аюкая тайши принимали у себя крымских послов *«с казною и с подарками и просят у него силы к себе на помощь»*. В ответной грамоте на Дон было сказано, что с Терека атаман раскольник Ивашко Кукля *«...всячески поносит государей... делают суды и хотят идти весною на воровство на рыбные учюги и брать заводы и припасы и пушки»*. В ней так же находим сведения, что к терским раскольникам стрельцы и казаки *«...приходили на остров и бой с ними был, и шанцы на острове близко их поставили, и осадили и караулят накрепко, чтоб куды их не допустить»*. В грамоте Государя приказывают добавить ещё войска *«...да и еще казаков на помощь к ним пошлете, чтобы их кончае искоренить»*.

В **апреле 1688 года** часть казаков численностью 1000 человек с походными атаманами **Иваном Аверкиевым, Василием Горбуновым и Осипом Михайловым** соединились со стрельцами у раскольничьего **городка на реке Медведице** с стольником и полковником Семеном Тобольским, с майором Иваном Куниганом и головою Прокофием Опревым и совершили поход на раскольников, бежавших из Паншина и Кагалина, по приказу Царицы Софьи Алексеевны. Взяли приступом это укрепление и многих *«воров и пушчих заводчиков всех побили... а многие воры метались в огонь и в воде потопли, а иных воров поимали и по полкам роздали»*. Всем участникам этого похода были пожалованы по рангу *«сукно кормазин, сукно аглицкое и амбургское»*.

В **мае месяце** в столицу привёз *«отписку»* от Войска Донского станичный атаман **Матвей Желоватый** с вестями о присылки по крымские городки *«для военного над неприятели промыслу и поиску»* бывшего войскового атамана **Ивана Семенова** с полком и водным путём на 45 стругах 700 человек казаков. Было доложено что с реки Кумы пришли 40 человек бывших раскольников, которые *«принесли вины»* и их приютили казаки. Дончане просили у Государей

канаты «для парусов на струги» и бумагу для письма, которая в те времена была всегда в дефиците, да и после пожара ничего не осталось. Государь послал на Дон «бумаги писчей 10 стоп, да канатов пенковых 500 сажень», а если будет не хватать велено найти на Волге с Царицына.

Атаман Фрол Минаев. Художник А. Ковалев.

Летом этого года **походный атаман Фрол Минаев** собрал всё войско в 3000 человек и ходил на «поиск для подлинных вестей и языков под Азов». Вместо него Войсковым атаманом временно назначен Иван Семенов. В это же время азовский Султан вышел из крепости с войсками и пошёл войною на русские украинные городки. Ему в догонку был отправлен опытный атаман **Иван Семенов** с казаками. Вот так сказано в грамоте «... те ваши казаки многие турецкие и азовские и ногайские села и деревни разорили, и корабли взяли и турок, и ногайцев побили и живых побрали, меж которыми и мурзу Наврусова сына взяли же».

Другим отрядом казаки с Фролом Минаевым совершили поход к **крепости Сеид Ислам** (Щит Ислама) стоящей на ерики Лютик впадающим в реку Мертвый Донец и названную казаками **крепостью Лютик**. Дул сильный северный «верховой» ветер и всю воду угнало в Азовское море. По этому случаю суда с пушками не смогли подойти к этой крепости. Хоть и поход на Лютик не увенчался успехом, но казаки захватили в плен несколько турок, одним из них был великолепный наездник и знаменитый разведчик Резепа-ага. У турок и азовских татар в то время была присказка «легче взять казакам Азов, нежели пленить Резепа», вот такого воина захватили донские разведчики.

В декабре 1688 года московские молодые Цари Иоанн и Петр дали команду через приказную грамоту Войсковому атаману Фролу Минаеву выступить в новый поход с 500 всадниками и собраться до 20 февраля на речке Кринке и на Самарские вершины на реке Самаре и встать в ново построенном городе Ново-Богородицком. Казаки приходили под руководство в полк «оберегателя и дворового воеводы» князя Василия Голицына.

Государь Иоанн и Петр Алексеевичи в **январе 1689 года** отправляют жалование на Дон такое же, как и в прежние годы. Деньгами 5000 рублей, порох 230 пудов, свинца 115 пудов, муки ржаной 6500 четвертей и 500 ведер вина. Сверх этого дано 200 рублей на строение

церкви, на паникадилы 15 рублей. Посланы для укрепления Черкаска 2 полковые пушки по «*две гривенки ядро*», да на калмыцкие расходы 10 пудов железа. Ещё присланы большие и быстрые лодки для разведывательных действий на море «...*20 труб струговых добрых и не малых, а сделать их велено в Олшанску из заповедного лесу, чтоб в них мочно было сесть казаков по 15 и по 20 человек*». Атаман Фрол Минаев в эту зиму находился в Москве, ему и передано жалование, а также с ним послали на Дон дворянина Евсея Бехтеева.

В апреле месяце ещё 700 человек казаков под начальством старшины **Ивана Семёнова** выступили в поход в направлении Днепра. Затем подготовив 45 больших лодок и посадив 1000 человек атаман **Зота Камышников** вышел к берегам Крыма. Как часто бывает весной на Дону при юго-западном ветре, который назывался «*поносом*» пригоняло много воды из Азовского моря и уровень в реках и ериках резко поднимался на 2—3 метра. Так было и в этот год, в Черкаске затопило всё что можно и только возведённые деревянные стены, и дома, и скот, и амбары. Оставшимся охранять город казакам пришлось ставить пушки на крышах домов. Большинство казаков ушло на войну, а оставшиеся малыми отрядами продолжало тревожить ногайцев и крымчан.

Про поход Донских Казаков в Крым под руководством атамана Фрола Минаева в этом году упоминает Александр Иванович Ригельман в своей книге, написанной в 18 веке:

А 1689 году хотя войска и ходили отъ Самары до Турецкаго замка, Осланъ Кермена (что противу Турецкой же крѣпости Кизикермена и ниже нѣсколько), но 14 июня возвращены обратно, по причинѣ оказавшагося внутренняго и междуусобнаго въ Москвѣ несогласія

Цитата из книги А.И.Ригельмана «История или повествование о Донских Казаках, отколь и когда они начало своё имеют»

Великий князь **Василий Голицын** собрав 112 тысяч войско и наученный опытом прошлого похода выступил в степь весной, «*большим снарядом дошел до Перекопа*» тихим ходом за почти 3 месяца. Крымская конница произвела нападение на передовые части у селения Ор-Капы и была отбита залпами орудий, стрелявших шрапнелью. Голицын отступил к местечку Черная Долина и на Колончак, далее подошёл к **крепости Перекоп**, но штурмовать не решился. Он знал, что воды в крепости мало, всего 3 колодца и дальше лежит безводная степь. На военном совете было решено строить несколько земляных сооружений и попытаться там найти воду. В надежде запугать Крымского хана Голицын начал переговоры о перемирии, крымчане присылали Кеман мурзу Сулешева для затяжки времени, надеясь, что русские из-за нехватки воды и продовольствия, так же, как и раньше уйдут назад в Малороссию.

Походы князя Голицына. Старинная карта 19 века.

Вдоль Днепра наступала армия окольного **Леонтия Романовича Неплюева** и генерала **Григория Ивановича Косагова**, они наголо разбили турецкую армию, спалили крепость Шах Кермень. Турки спешно перебрасывали флот для защиты крепости Очаков из Средиземного моря. В Константинополе началась паника, султан Мехмед бежал в Азию.

Боярская Дума, в большинстве случаев управлявшая именем малолетних Царей, подозревая Речь Посполитую в недоброжелательстве, повелела армии отступить назад в Малороссию к речке Белозерке, что и исполнено без потерь. В сей поход на реке Самар, в 7 верстах от Днепра, построена **Богородицкая крепость**.

Войсковой Атаман Фрол Минаев с 3000 казаков разбил две неприятельские армии, а войсковая флотилия на Азовском море много судов захватила и возвратилась на Дон с богатою добычею и малою потерею. В сем же году война с Крымским Ханом прекращена; но в пограничных местах произвольные набеги продолжались с переменным счастьем. Результаты этих двух походов были ничтожны в сравнении с затратами на эту компанию. Решить коренным образом исход войны они не могли, но теперь русские войска стояли на подступах к Крыму, т.е. территории уже были под властью Москвы, а не так как раньше просто «дикое поле». К тому же пришли сведения что в боях Крымский Хан был ранен, а воевода Нурадын умер от ран, убит Казыкерменский Бей и Кантемир мурза Мансуров, т.е. турки и крымчане понесли большие потери в руководстве. Царевна Софья Алексеевна щедро наградила всех участников второго похода Василия Голицына, бояр и воевод. Она давала всем командирам шитые золотом кафтаны, серебряные кубки, деньги и земельные вотчины.

В это время на Дону казаки ведут боевые действия против татар небольшими мобильными отрядами. В августе месяце **1689 года** станичный атаман **Тимофей Долгов**, с 690 воинами, пробравшись тайно ночью через Казачий ерик в Азовское море и левым берегом пришёл в устье реки Кубань. Продвигаясь вдоль берегов, донцы производили опустошения в селах и деревнях. На обратном пути казаки встретили два турецких судна, типа галеры, пливших из Азова в Константинополь с 150 янычарами, окружили и напали на них убив 80 турок. Захватив эти турецкие галеры, тайно провели вместе со своими стругами через Кутерьму, Каланчу и Казачий ерик в Дон и довели до Черкаска. Конный отряд казаков в 120 всадников вышедший по степям на улусы к Кубани захватили ногайского мурзу Навруза с 9 татарами, а остальных 20 человек убили в бою.

Турецкая галера 17 века. Гравюра 17 века.

В **Москве** же росло недовольство бояр в действиях Царицы Софьи Алексеевны и её фаворита Василия Голицына. Молодой Царь, **Петр Алексеевич** которому всего 17 лет до этого практически не интересовался политикой и правлением государством, просто подписывал грамоты. Жил он в селе Воробьево и Преображенском занимаясь «*потешными войсками*». Московские бояре считали его несерьёзным и пустым человеком. Его мать Великая княгиня **Наталья Кирилловна Нарышкина** решила женить сына на дочери окольного **Евдокии Федоровне Лопухиной**. После свадьбы молодой Пётр оставил жену и уехал на Плещеево озеро. Иногда он возвращался и принимал участие в Боярской думе.

Летом 1689 года во время крестного хода, Пётр на глазах всего Двора поссорился с Царевной Софьей Алексеевной и покинул Кремль. Это было начало противостояния молодого Царя против своей старшей сестры и её сторонников.

В **августе** в Преображенское пришла весть, что стрельцы и **Федор Шакловитый** по указанию Софьи и Голицына хотят убить молодых царей. Всей семьёй Нарышкиных и Петром овладела паника. Позже генерал Патрик Гордон пишет: «...он прямо с постели не успев надеть сапог, бросился в конюшню, велел оседлать себе лошадь, вскочил на неё и скрылся в ближайший лес. Сюда принесли ему платье, он наскоро оделся и поскакал в сопровождении немногих приближённых в **Троицкий монастырь**, куда измученный приехал в 6 часов утра. Его сняли с коня и уложили в постель. Обливаясь горькими слезами, он рассказал настоятелю о случившемся и потребовал защиты». Из этих слов видим, как в памяти Петра осталось тот детский страх при слове стрельцы, когда они в Кремле резали на его глазах бояр. В Троицкий монастырь переехала вся семья Нарышкиных, молодая жена, мать, слуги и все приближённые. Молодой Царь стал рассылать грамоты о явке служилых людей к нему на защиту. С этих пор после такого стресса у Петра проявился нервный недуг: подёргивание щеки, произвольные движения головы и некоторая неправильность походки «*голову запрометывал и ногою запинаясь*». Между Кремлём и Троицком установилась атмосфера враждебности и недоверия, каждая из сторон подозревала противную в намерении разрешить ситуацию силовым путем. Софья уговорила Патриарха Иоакима поехать в Троицкий монастырь и склонить Петра к переговорам, но в Москву тот уже не возвратился и объявил Петра полноправным Государем.

27 августа пришёл указ от Петра, с требованием всем стрелецким полковникам явиться в распоряжение Царя в сопровождении выборных по 10 человек от каждого полка, за неисполнение этого предписывалась смертная казнь. Софья Алексеевна решила лично договориться с братом и с небольшой охраной выехала в Троицу, но была задержана в селе Воздвиженском боярином, князем Троекуровым с указанием от Петра вернуться назад в Москву.

В начале **сентября** в Троицу ушла иноземная пехота генерала Гордона. Василий Голицын уехал в своё имение Медведково фактически бросил Софью и устранился от политической борьбы. Петр издал указ арестовать главу стрельцов **Шакловитого** и доставить к себе, где под пытками тот признался в заговоре и был обезглавлен. В это время Царь Иоанн Алексеевич, встретив своего младшего брата в Успенском соборе и фактически передал всю власть в одни руки и отошёл от дел, хотя и подписывал грамоты. Сохранилось письмо, которое Петр послал своему старшему брату Иоанну «...срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому заторному лицу (Софье) государством владеть мимо нас».

В **сентябре** уже нового **1690** года издан указ **Царей Иоанна и Петра Алексеевичей**, исключаящий из Царского их титула имени Правительницы, Государыни Царевны Софьи Алексеевны. Петр потребовал Софье удалиться в Путивль в Святодуховный монастырь, а затем отослал далее в Новодевичий, где к ней была приставлена стража. Всем верным боярам, кравчому, окольниковым, стряпчим, стольникам, полковникам Царь Петр в октябре выдал денежные премии «*придачи против Московских чинов, по приездам, кто в которых числах приехал*» для охраны в Троицкий монастырь.

После Крымских походов и свержении Софьи в войне с Турецким Султаном наступило затишье, в течении которого Россией фактически правила мать Петра Алексеевича **Наталья Кирилловна Нарышкина**. Царица Наталья все дела поручила своему брату Льву Кирилловичу Нарышкину, Федору Юрьевичу Ромодановскому и другим боярам из этого рода. Царь Петр полностью отошёл от дел и занимался «*потешным флотом*» на Плещеевом озере. Записывая своих сыновей в «*потешные*» московские бояре и, князья фактически создавали новые войска полностью подвластные Петру. Одним из первых был придворный конюх Александр Меншиков, впоследствии великий полководец, а в это время он телохранитель и близкий друг. Очевидец тех времён писал про Меншикова и Петра, что тот иногда «*спит в его ногах*». Немец Яков Брюс, будущий генерал-фельдмаршал, с братом так же были в «*потешном войск*».

Наталья Кирилловна Нарышкина. Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

На молодого царя оказывали большое влияние шотландец Патрик Гордон и Франц Лефорт, которые после стали одними из самых близких людей. На гравюре выше изображена Царица Наталья Нарышкина, которой народ дал прозвище «*медведица*». Например, Борис Куракин говорил о ней так «*была править некапабель, ума малого*». Наталья правила страной как могла при помощи родни, пока сын Петр набирался опыта. Гениальная мать в тяжёлых условиях сохранила жизнь своему сыну и отвоевала для него царский престол. Фактически она вырастила команду соратников своего сына и плеяду блестящих будущих государственных деятелей и полководцев. Именно она сотворила такую яркую личность царя-реформатора, который вошел в историю России как Великий Петр Первый.

После смерти Натальи Кирилловны в 1694 году, начинается новый этап в истории России.

2. Первый Азовский поход Петра

В ранней моей книге «*Корел*» было рассказано, как Московская Русь при помощи казаков **Войска Донского** на протяжении многих лет вела упорную борьбу за право обладания южными просторами на Азовском и Чёрном морях. Отсутствие этого прямого выхода лишало Россию огромных возможностей и способности вести грамотную внешнюю политику. В течение последних ста лет с набегами азовских людей, турок и крымских татар из окраинных земель России было угнано в рабство множество простого крестьянского населения. Необходимость противостоять этой охоте за людьми стала еще одной причиной продолжения боевых действий против турецкого засилья. Предпринятые ранее Чигиринские походы Царя Алексея Михайловича и Крымские экспедиции князя Василия Голицына не принесли должных результатов.

Донские Казаки **летом 1694 года** под руководством **станичного атамана Василия Горбунова** с отрядом более 900 воинов преследовали вылазку азовцев и аюкаевских калмыков под «*окраинные русские города Рыбнаго, Ольшанскаго и Усерда, за разбитие этих неприятелей на реке Лозовке, которая впадает в речку Калитву*». Вместе с ними были ногайцы, едисанцы и русские раскольники Левки Маноцкого всего около 400 человек. Эти бандиты наскоком хотели снести казаков, но встретив сопротивление и увидев, что их «*многолюдно, дали тыл... а казаки били их и гнали верст с 30 и больше, и многих их побили и переранили, а в полон взяли азовцев 32 человека и привели на Дон*». В августе месяце «азовцы» численностью 220 конников с Джегаем агой снова предприняли набег на казачьи городки по реке Хопер и взяли в плен 8 человек и далее продолжили свой поход к Тамбовскому уезду. Донские верховые казаки собрали отряд и нагнали бандитов в междуречье **Торсы и Елани** недалеко от **Тамбова**, напав на них и «*обратили в бегство, при этом преследовании казаки многих побили и 48 человек взяли в плен*».

Казаки, посланные из «*хоперских городков, аюкаевых калмыков гнали до Волги не догнали, а перешли те калмыки за Волгу в свои жилища*». Эти сведения я нахожу в «*распросных речи*» **станичного атамана Тимофея Федорова** находившегося в октябре месяце с «*отпискою с Дона*» в Москве.

В грамоте на Дон от **октября 1694 года** молодые **Цари и Великие Князья Иоанн и Петр Алексеевичи** выражали удовлетворение и хвалили казаков «*за воинские промыслы над неприятелем и за присылку взятых языков, жалуют своим жалованием и милостиво поваляют... воинские промыслы сухим и водным путём чинили и до наших украинских и малороссийских городов их бусурман никогда не допускали и в в походы за ними шляхами их ходили, а аюкаевых калмык соединение их с азовцами всячески разрывали и отвращали и с конскими табунами и со скотом в Азов их не пропускали... а служба ваша у нас, великих государей, у нашего царского величества, забвенна не будет*». Петру в этом году 22 года, Иоанну 28 лет через три месяца он скоропостижно умрет (страдал цингой и болезнью глаз) и власть полностью перейдёт к Петру Алексеевичу. Его дочь Анна Иоанновна впоследствии станет императрицей и будет править Россией после смерти Петра Алексеевича.

Неограничиваясь одними только наблюдениями за движением неприятелей и защитой Россійскихъ границъ и собственныхъ жилищъ, войско Донское послало на море въ 60 лодкахъ 1,000 человекъ казаковъ, съ атаманомъ Борисомъ Давидовымъ. Главные предметы казачьихъ поисковъ были: Темрюкъ и Казылташъ; но жители этихъ городовъ и окрестныхъ деревень, предваренные азовцами, приняли всѣ средства къ своему защищенію, казаки застали одни только пустыя селы, которыя они и выжгли, затѣмъ приступали къ упомянутымъ городамъ, но были отбиты съ урономъ. Такимъ образомъ казаки безъ всякой добычи принуждены были предпринять обратный путь къ Черкаску.

Из ениги В.Д.Сухорукова «Историческое описание земли Войска Донского».

Другие сведения о действиях Донских Казаков в этом году на Азовском море нахожу у русского историка **Василия Дмитриевича Сухорукова** в книге «Историческое описание земли Войска Донского» изданного в Новочеркаске в 1872году. Цитата из этой книги размещена выше.

Хотелось бы здесь сделать отступление и показать читателю картину **Ильи Ефимовича Репина** «Приезд Царей Иоанна и Петра Алексеевичей на Семеновский потешный двор в сопровождении свиты» на ней изображен Петр, Иоанн перед смертью, а также Матвеев Лефорнт и Гордон. Иоанн совсем почти не видит, видно, что он болен и его взор обращён в сторону от речей Петра. Младший брат, увидев множество служащих охотников записал их в потешные полки «излишнюю охоту уничтожить, а расходы и людей употребить в пользу государственную». Здесь мы видим момент обращения Петра к Ивану, а тому уже не до соколиной охоты и потехи доставшейся братьям от их отца Алексея Михайловича.

Приезд Царей Иоанна и Петра Алексеевичей на Семеновский потешный двор в сопровождении свиты. Художник И. Е.Репин.

Помимо Русских Государей на картине два иностранца, на которых необходимо остановиться более подробно и рассказать нашему уважаемому читателю, так как они сыграли большую роль в истории нашей страны.

Шотландец Патрик Гордон появился в России ещё в 1661 году после Чудновской битвы, когда он после ранения, служа полякам, имел надзор над пленными казаками. Там он понял, что Русский народ более близок ему по взглядам на жизнь, на отношение к смерти, на способность преодолевать трудности и не унывать даже, находясь в плену. В Польше находился московский дипломат Леонтьев, с которым и познакомился Гордон по случаю выкупа из плена 2 знатных офицеров. Гордону в то время 26 лет, он молодой офицер и за хорошее

обращение с пленными и русскими дипломатами Леонтьев и Крофурд решили пригласить его на русскую службу с заключением контракта на 3 года, назначив хорошее жалование с присвоением звания майор. В России уже в то время служило много шотландцев в том числе и различные дальние родственники Гордона. В сентябре он прибыл в столицу и остановился в немецкой слободе. Первая встреча с царем Алексеем Михайловичем состоялась в селе Коломенском. Царь поблагодарил шотландца за гуманное обращение с русскими военнопленными в Польше и назначил его на службу к своему тестю боярину Илье Даниловичу Милославскому, затем назначен был в полк полковника Джона Крофурд. После бунта стрельцов Патрик получил звание подполковника. Женившись на девице Букговен в 1665 году, по протекции тестя получил звание полковник. Позже он возил грамоту Алексея Михайловича к английскому королю Карлу второму в 1666 году. Далее его служба проходит в Малороссии до 1670 года. В 1677 году при новом царе Феодоре Алексеевиче Патрик Гордон принимает участие в русско-турецкой войне, героически обороняет крепость Чигирин от османских и крымских войск. За оборону Чигирина 20 августа 1678 года Гордона производят в генерал-майоры.

Патрик Гордон. Гравюра 17 века. Художник Г. Афанасьев.

В течение нескольких лет Патрик Гордон (по-русски Петр Иванович) был единственным иностранцем в московской армии, имевшим генеральский чин.

В 1687 и 1689 годах шотландец принял участие в героических, но бесславных Крымских походах под предводительством князя Василия Голицына. **Петр Иванович Гордон** командовал Бутырским выборным полком. За умелое управление *«корпусом»* и беспримерную храбрость Гордон был произведен в *«полные генералы»*.

Летом 1689 года сложился заговор стрельцов против молодых царей, целью которого было убийство Петра, разорение Кукуя, истребление иностранцев, уничтожение регулярных полков. Как было описано ранее Московский Царь бежал в Троице-Сергиеву лавру. 4 сентября 1689 года Гордон привел в подмогу Петру из Москвы свой полк и служилых иностранцев: драгун и рейтар. Софья, оставшаяся без войска, была низвержена и заточена в Новодевичий монастырь. Молодой Петр Алексеевич стал фактически полновластным государем. Гордон, назначенный командиром московского гарнизона, вошел в узкий круг ближайших соратников семнадцатилетнего царя, *«стал одним из ближайших помощников самодержца в вопросах устройства и обучения войск»* на европейский манер. Началось небывалое в московской истории возвышение иностранца, которому в то время было 54 года, а Царю Петру 22 года.

Другой генерал на картине Репина **Франц Яковлевич Лефорт**. Ещё в 1675 году 20-летний женевец Франц Лефорт отправился в город Нимвеген. Здесь он встретил голландского полковника Якова ван Фростена, набиравшего от имени царя Алексея Михайловича охотников для военной службы в Московии. Обещание чина капитана, мечты о карьере, высоком подтолкнули Лефорта на прибытие в составе 14 офицеров в Архангельск. На следующий год он приехал в Москву и подал заявление в Посольский приказ, но через некоторое время получил отказ и поселился в Немецкой слободе на Кукуе, которая к тому времени насчитывала до 250 дворов.

Здесь селились со своими семьями офицеры полков нового строя, купцы, врачи, аптекари, учителя, художники, инженеры. Большинство жителей слободы были лютеранами. Имелась и реформатская церковь со школой при ней. В слободе жили представители разных национальностей – немцы, англичане, шотландцы. Через знакомых общительный Лефорт познакомился с влиятельными при русском дворе шотландцами – полковниками Павлом Менезиусом и Патриком Гордоном. В 1678 г. Лефорт женился на Елизавете Сугэ, родственницы полковника Исаака ван Буковена. В этом же году он был принят на военную службу. В Иноземном приказе в чине капитана, ему было выдано первое жалованье в виде материи *«десять аришин одноцветной узорчатой камки»*. После обороны Чигирина он остался в Киеве.

Главкомандующим украинским корпусом был назначен князь В. В. Голицын, а начальником киевского гарнизона генерал-майор Патрик Гордон. Два с половиной года провел Франц Лефорт на Днепре. Со своей ротой в 1200 человек, он принимал активное участие в стычках с татарами. После заключения Бахчисарайского мира с Турцией в 1681 года 26-летний Лефорт возвратился в Москву и подал прошение об отпуске в Женеву к родным. Он старался распространить выгодное понятие о России, утверждая, что именно там можно составить себе очень хорошую карьеру и возвыситься военной службой. По этой причине он пытался уговорить своих родственников и друзей отправиться с ним в Москву. На следующий год Лефорт получил от Сената Женевы увольнительное свидетельство на службу в России с чрезвычайно лестными отзывами о его деловых качествах. В 1682 году состоялся торжественный прием датского посольства царями недалеко от Троице-Сергиева монастыря. Лефорт присутствовал на аудиенции и был допущен к целованию монарших рук. Только здесь он в первый раз увидел царя Петра Алексеевича.

В связи с окончанием войны весной 1682 года состоялся указ об увольнении иностранных офицеров. Численность подведомственных Иноземскому приказу иноземцев была сокращена более чем в пять раз. Лефорт был оставлен на военной службе. 29 июня 1683 г. в день именин царя Петра он получил чин майора, а 29 августа того же года к именинам царя Ивана – подполковника. Ему покровительствовал начальник Приказа казанского дворца князь Борис Голицын. Он, как и его брат, отличался приязнью к иноземцам и первым *«начал с офицерами и купцами иноземными обходиться»*. Возможно Борис Голицын, весьма близкий в то время к молодому Царю Петру, способствовал впоследствии его сближению с Лефортом. В столице он жил в своем богатом доме на берегу Яузы в Немецкой слободе. *«Другого, лучше устроенного, здесь нет»*, – хвастался он матери. Обходительность и любезность женевца привлекали в его дом многочисленных именитых гостей. Однажды на приеме в честь национального праздника Женевской республики 12 декабря 1684 г. присутствовал князь Борис Александрович Голицын, представители русской знати и дипломаты. Вообще *«московские бояре»* нередко заезжали к Лефорту покурить трубку, до которой хозяин был большой охотник.

В 1685 г. полк Ф. Лефорта в составе корпуса Патрика Гордона был отправлен на Украину и принял участие в ряде стычек с крымскими татарами. Вскоре женевец был переведен в корпус генерала В. А. Змеева, где он командовал батальоном. В апреле 1686 г. Россия заключила Вечный мир с Польшей на условии возобновления военных действий против Турции и Крымского ханства. Главкомандующим русской армией был назначен благоволивший Лефорту

князь Василий Васильевич Голицын. В 1689 году после Крымских походов он был произведен в полковники.

Благоволивший иностранцам, молодой царь Петр с начала девяностых годов зачастил в Немецкую слободу. Петра привлекал там невиданный в России уклад общественной и семейной жизни, где женщины пользовались равными правами с мужчинами, были образованны и не сидели взаперти, а дети обучались в школах специально приглашенными из германских земель преподавателями.

Здесь постоянно устраивались музыкальные и театральные представления, танцы, маскарады, в которых участвовали представители всех поколений. Такой жизни молодой Петр, живший в Кремле еще не видел, и в эту атмосферу царь погрузился с головой. Одним из путеводителей его на пути знакомства с западным укладом стал 35 летний женевец **Франц Яковлевич Лефорт**.

Франц Лефорт. Гравюра 17 века. Художник Г. Афанасьев.

Первое посещение Царем дома Лефорта относится к 3 сентября 1690 г. С тех пор Петр часто оставался у него с обеда до вечера, а иногда и ночевал. В 1691 г. Лефорт прочно занял место царского любимца. Лефорт называл его теперь не иначе, как «*notre grand empreur*» – «*наш великий император*», что очень льстило Перу. По случаю рождения царевича Алексея Петровича женевец был произведен в генерал-майоры, а в сентябре 1691 г. в генерал-лейтенанты. **29 июня 1693 г.** в день именин Петра состоялось пожалование Лефорта в **полные генералы**.

Здесь уместно поставить вопрос: «Почему Петр сблизился именно с Лефортом»? Из документов известен отзыв князя Бориса Куракина: «...*Лефорт был человек забавной и роскошной или, назвать, дебошан французской... денно и ношно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами и питье непрестанное, оттого и умер...*». Франц Лефорт, утверждал далее Куракин, подразумевая любовь Петра к Анне Монс, «*пришел в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных*». Именно в гостеприимном доме Лефорта молодой 21 летний Царь Петр научился обходиться с иноземными дамами, и здесь «*амур первый*

начал быть». Этот отзыв тем не менее опровергается многими свидетельствами современников, в отличие от Петра женевец Франц Лефорт никогда не напивался до помрачения рассудка, тем более, что в Немецкой слободе употреблялись в основном виноградные вина. Женевец знал в разной степени французский, итальянский, английский, голландский, немецкий языки, говорил по-русски, чем не могли похвастаться многие жители Немецкой слободы. Лефорт был человек светский, образованный, обладал гибкостью ума, веселым характером и трудолюбием, за что его и приблизил к себе Петр.

В 1691 г. племянник Лефорта – Франц Сенебье писал своей матери: *«Его царское величество очень его любит и ценит его выше, чем какого-либо другого иноземца.*

Его чрезвычайно любит также вся знать и все иностранцы. При дворе только и говорят о его величестве и о Лефорте. Они неразлучны. Его величество часто посещает его и два или три раза в неделю у него обедает. Оба они одинаково высокого роста с тою разницею, что его величество немного выше и не так силен, как генерал. Это – монарх двадцати лет, у которого есть уже два принца. Он часто появляется во французском платье, подобно г. Лефорту. Последний в такой высокой милости у его величества, что имеет при дворе великую силу. Он оказал большие заслуги и обладает выдающимися качествами. Пока Москва остается Москвою, не было в ней иностранца, который пользовался бы таким могуществом. Он приобрел бы большое состояние, если бы не был так великодушен. Верно, конечно, что благодаря этому качеству он достиг такой высокой ступени. Его величество делает ему значительные подарки».

Сам Лефорт вот так писал своей матери о Петре: *«Это благороднейший и великодушнейший монарх, какого только можно найти. Наружность его благообразна, он обладает несравненным умом, и притом отличный солдат. Ему двадцать первый год, он очень любит иностранцев. Неоднократно говорил он мне, что желал бы, чтобы я съездил повидаться с вами, но ему было бы тяжело отпустить меня».*

В 1693 г. Лефорт вел переписку с амстердамским бургомистром Н. Витсенем по поводу постройки для царя военного корабля. Для его встречи 1 мая 1694 г. Петр отправился в Архангельск. 29 апреля в доме Лефорта был дан прощальный обед. Вот цитата из письма Лефорта родным: *«Его величество оказал мне честь, обедал, а затем ужинал у меня. Приглашен был весь двор, то есть князья и бояре. В большой зале, которую я построил благодаря щедротам его царского величества, разместились вдоль окон более двухсот человек. Солдаты, которые должны были ехать с нами, были угощены после обеда, и было выпито за счастливое путешествие его царского величества. Присутствовало также и дамское общество, иностранное или немецкое, но не танцевали вследствие траура по царице-матери. Собираясь около полуночи ехать, его царское величество приказал мне оставаться до вторника, чтобы отправить все общество».*

На другой день после отъезда Петра Алексеевича Франц Лефорт имел аудиенцию в Кремле у Царя Иоанна Алексеевича. 4 июля 1694 г. Лефорт писал брату: *«Чрезвычайные милости, изливаемые и изливаемые на меня им и братом его, Петром Алексеевичем, беспримерны, и не хвастая, могу сказать, что никогда не пользовался ими ни один иноземец, когда-либо живший в России. Я все приписываю Провиденшию... Везде, где я нахожусь, все зависит от моих распоряжений... Я много выстрадал: я научился жить и желаю в том совершенствоваться более и более. Хотя вся страна и все различные национальности уважают меня, однако я не позволяю усыплять себя такой славой; напротив, стремлюсь постоянно к тому, чтобы доказать мое усердие, привлечь верных подданных... Сознаюсь, все эти милости необычайны; я не заслужил их; я не воображал в столь короткое время составить мое счастье; но так было угодно Богу, и их царские величества объявили мне о том словесно, с весьма большою торжественностью, и весь народ одобрил».*

Ещё стоит упомянуть здесь о приятеле Гордона **полковнике** Преображенского полка **Юрии фон Менгене** отличном «*фрунтовым офицером*» в полку которого числился Петр в звании сержант. Приближенным к Государю был и **Андрей Вinius** сын голландского купца владелец «*железных заводов*», великий грамотей, главный «*почтмайстер*» и переводчик Посольского приказа.

Петр поручал ему выписывать из-за границы инструменты, книги по строительству кораблей, изготовлению пороха, отливке орудий, устройству оружейных заводов, которые Вinius переводил Государю и растолковывал непонятные моменты в переводах, в последствии он был первым руководителем морского училища «*Навигаторской школы*». **Капитан Яков Брюс** был при Царе главным инженером и артиллеристом. **Майор Адам Вейде** ведал медициной и после слыл «*умным инженером*». Переводчиком с английского при дворе был **Андрей Кревет**, исполнявший так же личные приказания Петра, позже он нанимал матросов и мастеров, заведовал лесопильными мельницами, парусной и полотняной фабрикой. Помимо иностранцев молодого Царя окружали молодые русские парни. такие как: **Федор Троекуров, Федор Плещеев, Федор Апраксин, Гаврила Головкин, Иван Трубецкой, Борис Куракин, Никита Репнин, Иван Бутурлин, Андрей Матвеев, Автоном Головин** и другие. Из старших людей Государя окружали думный дьяк и дядька **Никита Моисеевич Зотов** «*князь-папа*» и ближний стольник **Федор Юрьевич Рамодановский** «*князь-кесарь*».

Всё это окружение способствовало желанию молодого Государя изучать военное дело в мельчайших подробностях. Всё что надо было знать солдату и матросу, плотнику, токарю, бомбардиру, инженеру Государь пропустил через свои руки «*вкусил хлеб в поте лица своего по приказу Божию к прадеду нашему Адаму*».

Ещё когда Петру было 18 лет, он на своем «*ботике*» по Москве реке спустился под парусами к Угрешскому Николаевскому монастырю и надолго поселился в селе Преображенском. Там как мы знаем из истории он занимался конными и пешими учениями «*потешных и стрелецких полков*» и готовились к «*великому и страшному бою*». Этот грандиозный бой состоялся осенью 1691 года близ речки Красной.

Приведённая ниже цитата из книги **Николая Устрялова** «История царствования Петра Великого» показывает действия Гордона (вставка):

Когда обѣ арміи выстроились одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, «послѣ вырубки, начали травиться», и завязалось сраженіе. Генераль Гордонъ двинулъ свою конницу на лѣвое крыло непріателя, смялъ его и отбилъ четыре знамени; пятое взяли гусарскіе палашники. Не столь удачна была атака генерала Лезорта на правое крыло: рейтары его встрѣтили упорное сопротивленіе и, не взирая «на жестокий напускъ», не могли сломить противника, который стоялъ крѣпко и бился храбро; послѣ многихъ усилій, они успѣли «оторвать» только часть праваго крыла и отступили съ излишнею поспѣшностію;

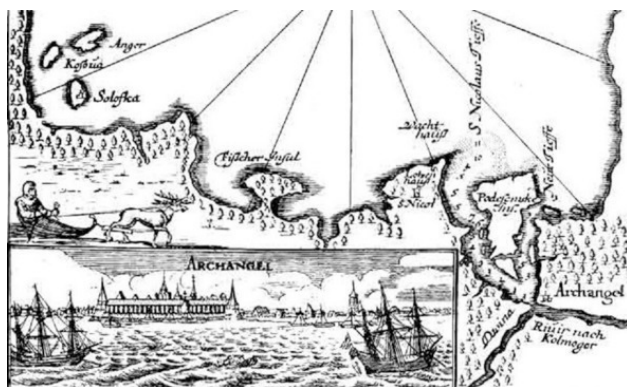
Цитата из книги Н.Устрялова «История царствования Петра Великого».

Командир гусарского полка генерал Гулет был взят в плен рейтарами «*ротмистра Петра Алексея с голою шпагою*». Затем Петр Алексеев спас «*генералиссимуса Бутурлина, а злодея взял в плен живаго*».

Помимо этих баталий на Плещеевом озере Карштен-Брантом сооружены «*два небольших фрегата с тремя яхтами*». Весной 1692 года Петр издал указ о постройки уже военного корабля в Переславле, который своими руками заложил вместе с Екимом Ворониным и в мае

месяце «в шестое воскресенье после пасхи, первый корабль, сооруженный умом и трудами самого Царя, благополучно сошел на воду», так писал Гордон в своих записках. От этих трудов и от излишних пиршеств, и от плохой воды на озере Царь Петр в ноябре «занемог кровавым поносом, слег в постель» и многие уже отчаялись в его жизни, но провидение сохранило 20 летнего Петра для России, молодой организм поборол заразу. На масленицу следующего года на Пресне он выздоровевший сделал грандиозный фейерверк из 56 орудий, которые сделали по 3 залпа, тем самым давая знать, что жизнь продолжается.

Летом 1693 года тесные озёра уже не привлекали молодого Петра, и он выпросил позволения у матери Натальи Кирилловны съездить к **Архангельску** посмотреть на настоящее море. Царь со свитой в 100 человек в числе которых были бояре и князья: Борис Голицын, Михаил Лыков, Василий Нарышкин, Алексей Шеин, Михаил Львов, Федор Ромодановский, Иван Бутурлин, Федор Троекуров, Федор Апраксин, генерал Лефорту, доктор Захарий Гульстен и конечно князь-папа Никита Моисеевич Зотов.

Карта из книги А. Оллария

До Вологды все ехали в каретах, а после Царь пересел в «карбас и поплыл по течению Сухоны до Устья Великого, оттуда Северной Двиной к Архангельску». Путешествие длилось долго и медленно, так они добирались до моря в течении 2 недель. Царь остановился у Масеева острова в специально построенных светлицах, у пристани стояла 12 пушечная яхта «Святой Петр», приготовленная для морского путешествия. В это время собирались в обратный путь несколько торговых английских и голландских судов и один военный под командованием капитана Иоллеса.

Петр на яхте сопровождал эти корабли более 300 верст, любуясь их стройным ходом и работой матросов с парусами. После он благополучно вернулся в Архангельск и прожил там ещё 6 недель, наблюдая корабли под различными флагами и не видя флага России. Поручил братьям Бажениным около Холмогор приготовить два купеческих корабля для торговли под Русским флагом. На острове Соломбале Петр устроил верфь для постройки военного корабля, другой 44 пушечный корабль поручил купить в Голландии бургомистру Николаю Витсену и вернулся в Москву.

В январе 1694 года «на 42 году от рождения, после пятидневной болезни» умерла мать Петра Царица Наталья Кирилловна. Трое суток 21 летний Петр «тосковал и горько плакал», потом уехал к Лефорту и там с друзьями хорошо помянули мать. На следующий день он уже приступил к работе. Вот цитата из письма Петра к Федору Апраксину в Архангельск из труда русского историка **Николая Устрялова**:

«По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о перевозномъ оставя, о живомъ пишу. Понеже по обѣщанію моему, паче же отъ безмѣрной печали, незапно здѣ присѣтити хочу, и того для имамъ нѣкія нужды, которыя пишу ниже сего: 1. Посылаю Никласа, да Яна для строенія малаго корабля, и чтобъ имъ лѣсъ и желѣзо и все къ тому было вскорѣ готово, понеже рано прѣѣхать имѣеть. 2. Полтораста шапокъ собачьихъ и столько же башмаковъ разныхъ мѣръ сдѣлать, о чемъ въ готовности не сомнѣваюсь. И желаю отъ Бога кунно здравія компаніи вашей».

Цитата из книги Н. Устрялова «История царствования Петра Великого».

Петр хотел выезжать уже зимой, но всё было отложено до весны. В Архангельск перевезено 2000 пудов пороха, свинца, 24 пушки, 1000 самопалов и блоки для оснастки кораблей. В **апреле 1694 года** Петр был в Вологде раньше, чем вся свита прибыла туда и сам осматривал заготовленные 22 «карбасы» воеводой Петром Лыковым и вооружал их пушками.

В начале мая все карбасы двинулись по реке Вологде и далее в Сухону, та же свита сопровождала царя, что и годом раньше. На первом был стольник князь Федор Троекуров, на втором вице-адмирал Иван Бутурлин, на одиннадцатом «*Господин Шкипер*», на двенадцатом адмирал Федор Рамодановский, на двадцать втором контр-адмирал Петр Иванович Гордон. **17 мая** вся эскадра прибыла в Архангельск и бросила якоря близ Английского моста.

Архангельск. Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

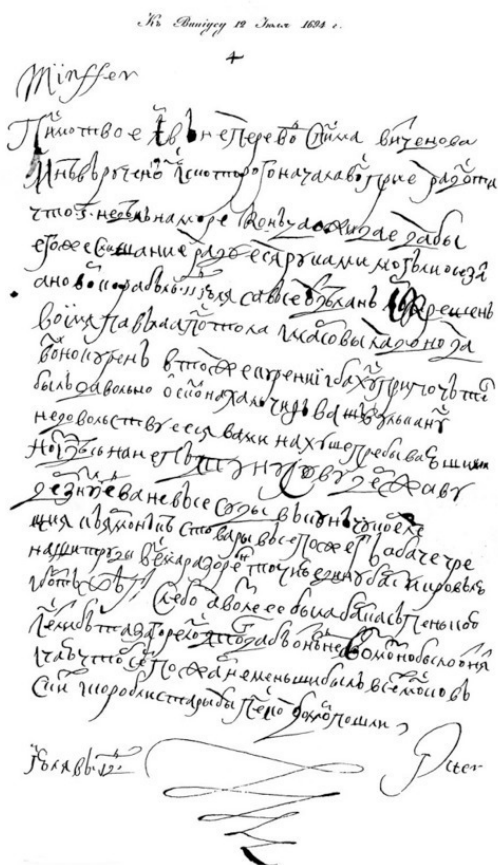
Вскоре Петр прибыл на Соломбальскую верфь где спустил на воду ново построенный корабль и дал в честь этого роскошный обед. Далее он посетил Соловецкие острова и молился в одноименном монастыре, как и обещал своему брату Иоанну. В пути их настигла буря, чуть не погубившая Государя.

Благодаря кормщику Антипу Тимофееву, корабль Царя благополучно прошел «*Унские рога*» и бросил якорь близ Петроминского монастыря. В честь такого избавления Петр собственноручно сделал большой деревянный крест с надписью на голландском языке. Бедной монашествующей братии выдал деньги на строительство, на лодки, и так «*600 гивен в подарок инокам*».

Петр разрешил отвести им земли «*для рыбныя и звериныя ловли и возвратитъ взятыя с монастыря за несколько лет пошрины*». Буря длилась ещё 3 дня, в течении которых Царь совершал молебны и бродил по острову. Затем он отправился назад в Архангельск куда и прибыл благополучно 14 июня шестьдесят четвертого года.

Яхту «*Святой Петр*» он отдал контр -адмиралу Гордону, новый же корабль «*Апостол Павел*» снаряжали быстрыми темпами и командовал на нём вице-адмирал Иван Бутурлин.

В это время сам Государь праздновал с подчинёнными своё спасение от бури несколько дней. Из столицы пришло известие от **думного дьяка Винуса**, заведующего почтой, что купленный в Голландии корабль скоро должен прийти к Архангельску. Он доносил Петру о частых пожарах в Москве и просил его вернуться скорее и навести порядок. В исторических документах сохранился собственноручный ответ Петра, который я хотел бы здесь и продемонстрировать, многим читателям интересно посмотреть, как писали в то время гусиными перьями. Петр пишет, как они спускали на воду новый корабль, обмывая его и так палили из пушек, что чуть не сожгли все купеческие барки с товарами: «*Min Her... Мой дорогой. Письмо твое и в нем перевод с письма виценова Мне вручен искоторого начала восприем радости что *S*на море конца ожидаем его дабы его же слушанием радуемся руками могли оезат а твой корабль 11 июля савсем отделан и окрашен во имя Павла апостола и марсовым ладаном довольно курен в том же курении и бахус припочтем давольно; в том же курении и бахус припочтен был довольно... но и здесь на нептунусову державу дезну и едва не все суда, в кунчукое лежащия к ямонке стовары, все пожсег; обаче чрез наши труды вема разоре; точию едину баси кровлю и бот сжег с хлебом; а возле ее была барка с пенькою и еслиб та загорело, тогда бы оню не вомоно было отнять, и чаю чтоб се пожсар не меньши был все московски и корабли стары бы песком дамо пошли».*

Снимок письма Петра к Винусу. Архивный документ.

В конце стоит дата «*июля в 12 д*» и подпись «*Piter*». Оригинал этого письма можно увидеть выше.

Через некоторое время пришёл долгожданный голландский 44 пушечный фрегат «*Святное Пророчество*» под руководством **капитана Яна Флама**, который требовал починки. Командиром над этим фрегатом назначен был адмирал Федор Рамодановский, а шкипером

сам Петр. Весь русский флот и купеческие английские корабли совершили поход к крайнему пункту Белого моря и самому океану, к мысу *«Святого носа»*. 26 августа все корабли возвратились в Архангельск и после трех дневного пира Петр отправился домой, задумав новые планы в организации становления своего наземного войска.

В столице на обширной равнине на правом берегу Москвы-реки, в двух верстах от Симонова монастыря. за **деревнею Кожухово** был назначен сбор Потешных полков и новых *«даточных рот людей боярских»* из 20 городов. Собралось порядка 15 000 человек с обеих сторон противоборствующих войск. Для перевозки орудий, снарядов и провианта привлекались более 500 подвод с крестьянами. Для Петра соорудили земляное укрепление *«безъимянный Городок»* в виде пятиугольника обнесенное валом в *«5 аришин вышины и рвом в 4 аришина глубиною»*. Перед Преображенским полком двигались *«бомбардиры Петр Алексеев, Федор Троекуров и Иван Гуммерт»*. С обеих сторон были предприняты различные передвижения и перестроения, преодоление водных преград, наведение мостов, высадка десанта, жестокие схватки с конницею. Все это продолжалось в течение нескольких дней *«...с обеих сторон не мало было раненых и обожжённых порохом от неискusstва стрелков, самопалы разрывались в их руках»*. Производились стрельбы из орудий, бросали гранаты, во время одной из схваток *«бомбардир Петр Алексеев с несколькими матросами взял в плен полковника Стремянного стрелецкого полка Сергеева»*.

Был предпринят штурм крепости с подкопом и рытьем минных галерей, провели взрыв земляного вала *«...многих переранили и обожгли, в том числе и Лефорта, которому взрывом огненного горшка опалило лицо»*. Сам Бомбардир Преображенского полка стреляли по крепости из *«верховых пушек»* или мортир. Стрельцы защищались упорно, но крепость была взята нападавшими войсками, первые отошли в поле и решили обороняться там. Петр продолжал стрелять бомбами по шатрам и привел многих в ужасное состояние *«с обеих сторон много было переранено и несколько перебито»*.

Дело принимало вид настоящего боя, преображенцы ворвались в лагерь и принудили противника сдаться. На другой день все полки выстроились друг против друга и князь Федор Юрьевич, в сопровождении всей свиты проехал на конях между обеими линиями, а полки отдавали ему военные почести, после производили залпы в честь окончания битвы. *«Кожуховский поход»* был последнею потехою 22 летнего Царя Петра, далее были настоящие битвы с противниками.

Мы все до сих пор не знаем, каким образом возникла мысль у Петра об походе на Азов, но нельзя сомневаться, что он не раз говорил об этом с Гордоном и Лефортом. Летом 1694 года Лефорт писал своим родственникам, что Петр решает предпринять путешествие на Волгу и там соорудить флот и начать переговоры с Персией. Из писем Гордона к своему другу ксендзу Шмидту в конце года читаем: *«...я думаю и надеюсь, что мы в это лето предпримем что ни, будь для блага христианства и наших союзников»*.

Иерусалимский Патриарх Досифей жаловался Петру на притеснения турок и французов в Константинополе: *«...вам не полезно если турки останутся жить на севере от Дуная или Подолии или если Иерусалим оставите в их руках, худой это будет мир»*.

Ранние походы **князя Василия Голицына** на Крым закончились неудачей. Они показали, насколько путь в Крым трудно уязвим для прямого удара с суши. Широкая, 350 километровая полоса Дикого поля, отделяющая *«украинные»* поселения казаков от полуострова, являлась труднопреодолимым препятствием. Петр и его товарищи решили вопрос борьбы с Турцией совершенно по-другому.

Они наметили вначале овладеть устьями рек Днепра и Дона. Этим они разрывали цепь укреплений, созданных турками и крымскими татарами, давали выход русским войскам к морю и изолировали Крымское ханство от Ногайской орды. Сам выход к берегам Черного и Азовского морей давал возможность Петру создать флот и угрожать Крыму с моря, с наибо-

лее доступной стороны для вторжения. Движение русских наступающих армий вниз по рекам Днепр и Дон позволяло использовать грузовые барки и значительно облегчало условия подвоза пополнений, продовольствия и боеприпасов.

Решения военного совета под названием «*консилия генералов*» были очень секретными. Главный удар решено было нанести в направлении устья реки Дон по сильной турецкой крепости Азов. Вспомогательный удар намечался в направлении устья р. Днепр с целью овладеть многочисленными турецкими укреплениями, закрывавшими выход к Черному морю. Про поход на Дон, было строго запрещено говорить в столице. Решение совета и Петра в первую очередь овладеть Азовом основывалось на возможности использовать Дон более широко, чем реку Днепр с его порогами. Наступление должно было вестись крупными силами армии Бориса Шереметева, состоявшей из полков «*старого московского устройства*», части стрельцов, поместного ополчения и малороссийских казаков гетмана Мазепы. Численность армии равнялась примерно 120 000 человек. **20 января 1695 года** эта армия направлялась к устью реки **Днепр** и сосредотачивались у городов Севск и Белгород.

Целью ее действий было овладение группой турецких крепостей у реки Ингулец. Для перевозки грузов по Днепру зимой 1695 г. было развернуто строительство стругов на реках Десна, Сейм и Средний Днепр. Для осады Азова в основном предназначались войска московского гарнизона, принимавшие участие в учениях при Кожухово. Эти войска состояли из «*потешных*» полков, 2 выборных московских солдатских полков, московских стрельцов и солдатских полков «*нового строя*» тамбовского разряда. Общая численность войск, предназначенных для осады Азова, достигала 31 000 человек. Все войска были распределены между тремя генералами: Гордоном, Головиным и Лефортом.

23 апреля дивизии **генерала Патрика Гордона** выступили из **Тамбова**. Войско состояло из Бутырского выборного полка, 4 солдатских полков тамбовского разряда и 7 полков московских стрельцов общей численностью 9500 человек с 43 пушками и 10 мортирами. Он рассчитывал пройти расстояние в 800 километров до **Черкасского городка** за три недели. Но расчеты Гордона не оправдались. Его войска прибыли в Черкасск только 20 июня. Донские казаки донесли Гордону, что турки усиленно готовятся к обороне Азова. Ранее **станичный атаман Григорий Белицкий** докладывал в Москве что «*азовский бей и янычанский ага с азовскими служилыми людьми с 3000 человек и большие*» сделали вылазку под Черкасск, и Атаман Фрол Минаев с 500 казаками с боем и небольшими потерями отогнали этих разведчиков «*50 казаков поранено, а до смерти убит один, да 9 человек казаков в полон взяты*».

30 апреля 1695 года Петр Алексеевич «*плавным ходом*» на 1250 судах выступил из Москвы по рекам с дивизиями **генерала Федора Головина** численностью 7000 человек. В их составе были полки «*нового устройства*»: Преображенский и Семеновский, а также 5 полков московских стрельцов под командованием Сухарева, Колзакова, Озерова, Батурина Голицына.

Они по легенде отправлялись как бы на Астрахань и Персию. Генеральство **Франца Лефорта** было самым сильным и состояло из 13 000 воинов при 104 мортирах и 44 больших пищалях, всё это было размещено на баркасах. Запас пороха был 30 000 пудов, так же 32 700 гранат, ядер и бомб. Для своего времени эта артиллерия по числу орудий и количеству боевых запасов была очень мощной. Почти два месяца продолжался поход по Волге, погода стояла холодная и дули сильные ветры. Суда, построенные под столицей, были плохого качества, кормишки управляющими ими были неопытны. «*Ветры нас крепко держали... а большие всех задержка от глупых кормишников и работников, которые именов сльвуют мастера, а дело от них, что земля от неба*» – так писал Государь в Москву.

Наконец все суда **7 июня** прибыли к Царицыну. Здесь пришлось Головину и Лефорту выгружаться на берег с трудом вытаскивать баркасы, ставить их на колеса и притаскиваться

степью до Паншина городка на Дон. Многое пришлось тащить на плечах солдат, так как при войске было всего 500 конных и не было ни артиллеристских ни обозных лошадей.

Царь Петр прибыл в Царицын раньше основных войск и ранее попал на реку Дон. Это можно предположить из переписки. Приведу настоящее окончание письма к Виниусу в мае 1695 году написанное собственноручно Петром:

Оригинальный снимок письма Петра.

В нём сказано: «...и сами перегрузились в паузок и намерены идти в путь завтра. Бомбардир Петр».

В период с **11 по 15 июня 1695 г.**, близ **Раздорского городка** переправлялась через Дон русская армия под командованием **генерала Патрика Гордона**, направлявшаяся на Азов. Сюда же пришли Доном барки с припасами для армии. Довольствие армии предполагалось осуществлять подвозом по реке. Для этого зимой 1695 г. развернулась постройка стругов в районе Воронежа под надзором стольника Кузьмы Титова. Всего было поставлено более 1000 стругов в Паншин городок. Погрузка пушек и снарядов продолжалась 5 дней. Здесь Гордона встретил **Войсковой Атаман Фрол Минаев**, они долго беседовали между собой, и атаман советовал генералу не ходить под Азов до прибытия всей армии.

На поставленных стругах предполагалось подвезти в **Паншин городок** большие запасы продовольствия. Паншин становился основной продовольственной базой армии. **В июне** будучи в пути **Царь Петр** отправляет грамоту пашинскому **станичному атаману Агею Тихонову** и всей станице в ответ на их отписку по подготовке ледников и других хранилищ для «приему всяких припасов низового воинского похода». В Паншине выделены 50 амбаров «в пристойных местах и очистили... всякое вспоможение и осторожность и бережение чините» и ещё подготовлены постоянные дворы. Жалование отправлено на Дон со станичниками и дяком Семеном Власьевым. Много было прислано в Паншин городок муки и сухарей и к первым числам июня должно было быть сосредоточено 15 000 ведер сбитня, 45 000 ведер уксуса, 45 000 ведер вина, 20 000 штук соленых осетров, 10 000 пудов ветчины, 2000 пудов ветчинного сала, 2500 пудов масла, 10 000 штук шук и судаков, 10 000 лещей, 8000 пудов соли. Эти запасы обеспечивали хорошее питание армии на три месяца.

После Раздор передовые части русского войска продвигались вниз по Дону. Шесть дней **генерал Гордон** простоял у **Черкасского городка**, и только по получении приказа Петра I – подготовить **вблизи Азова** место для выгрузки главных сил повел войска дальше, переправился через Маныч и **26 июня 1695 года** стал на виду крепости. Место для выгрузки было выбрано в 15 километрах севернее Азова на **Матишевой пристани**, при впадении речки Койсуга в реку Дон.

В этом положении Гордон и оставался, практически ничего не предпринимая до прибытия главных русских сил. Патрик Гордон получил известия от казачьих разведчиков, что перед крепостью Азов «на якорях стоят многия суда» а вокруг расположены многие лагеря с конными войсками. Гордон 28 июня продвинулся немного вперед на курганы, лежащие грядой за рекой Скопинкою, откуда была видна турецкая крепость Азак. Войско окапалось на курганах, и русские бомбардиры выстрелили из 3 пушек в сторону неприятеля. С крепости отрылась

ответная пальба и деревянные строения вокруг Азова запылали, так турки очищали пространство для лучшей обороны.

29 июня в лагерь прибыл князь **Яков Федорович Долгорукий** и сообщил что следом идёт Царь. **30 июня** Государь Петр вместе с Лефортом и Головиным прибыл в Черкасский городок и сразу же отправились к **крепости Азов**. Войска приветствовали Царя пушечной пальбой от всех полков, на что турки очень удивились про такую канонаду. На другой день был совет генералов и Петр, развернув план окрестностей Азова собственноручно указал места каждой дивизии: Головину на правом фланге, Лефорту на левом, Гордону в центре. Далее в июле месяце Патрик Гордон подкрепив свои войска ещё 2 стрелецкими полками Батурина и Головицына двинулся к крепости Азов посуху и встал на возвышение между речками Скопинкою и Узьяк. У турок и татар перед крепостью так же были обороняющиеся войска до 10 000 с пушками и конницей. Они первыми сделали нападение на наши конные передовые отряды, которые впервые отражая стремительный натиск начали отступление, но пехота остановила неприятеля. Турки, давно приготовившиеся к боям, продолжали круглосуточно стрелять по русским войскам из пушек и не мало людей малодушных пустились в бегство с поля боя, но опытный и закалённый в боях 60 летний генерал Патрик Гордон своим мужеством показывал своим воинам как надо удерживать занятые позиции до прихода основных сил.

Вокруг сновали конные отряды неприятеля и снабжение войск Гордона проходило в сплошных стычках с татарами. Он приказал откапывать «...*апроши, поставил раскаты и для защиты их соорудил три редута*». Только 5 июля прибыло главное войско. Царь, Петр Алексеевич которому только что исполнилось 23 года, сразу же отправился на передовую смотреть как ведутся земляные работы. Первым делом видя только что установленные мортиры приказал навести их на неприятеля и поджог по очереди фитили «*бросил в неё несколько бомб*». Ядра немного не долетев легли около стен крепости.

но пѣхота отразила нападеніе. Летѣвши ядра такъ испугали людей компаныхъ и даже полковниковъ, что они просили своего генерала укрѣпиться шанцами. Гордонъ двинулся впередъ, черезъ два часа сбилъ неприятеля, потерявшаго, какъ сказывали пѣшные, до 300 человекъ, перешелъ два старинные вала, выведенные въ открытомъ полѣ недалеко отъ Азова, и въ тотъ же день раскинулъ въ виду его свой лагерь, который ночью успѣлъ привести въ оборонительное положеніе.

Цитата из книги Н. Устрялова «История царствования Петра Великого».

Ниже приведу карту, где можно видеть, что Гордон стоял в центре и за ним была расположена артиллерия, Лефорт расположил свои войска слева от крепости и прорыл много земляных укреплений, Головин стоял правее и позади Патрика Гордона. Донские казаки числом 7000 человек у реки Узьяк, а малороссияне позади Лефорта.

Князь Долгорукий был с войсками против крепости Азов на правом берегу Дона. Ниже Каланчей был наведён мост через Дон и сооружены предмостовые укрепления.

Русские войска видя везде молодого Царя, быстро продвигали «*апроши*» вперёд и устраивали новые батареи и **8 июля 1695 года** в ясный и солнечный день со всех дивизий открыли яростный огонь по крепости Азов. На одной из батарей в центре были установлены 16 больших пушек и 8 мортир, именно там «*бомбардир Петр Алексеев*» сам начинал гранаты, прикладывал запальник и вёл огонь по крепости в течении 2 недель. С этих дней так проходила воинская служба царя, о чем он записал позже: «...*зачал служить с первого Азовского походу бомбардиром*».

Осада Азова. Фрагмент карты 18 века.

Укрепления Азова состояли из каменной стены с четырьмя бастионами. Стена была усилена присыпанным к ней с наружной стороны земляным валом, со рвом впереди.

В городе находился каменный замок. С первых выстрелов в крепости начался пожар и огонь из больших пушек обрушил большую караульную башню. Турки вели активную оборону, энергично противодействовали русским работам артиллерийским огнем и производили почти ежедневно вылазки крупными силами. Из-за отсутствия у русских флота турки свободно могли подвозить по реке в крепость подкрепления, боевое снабжение и продовольствие. В эти дни к пристани Азова подошли 20 больших турецких галер с порохом и ядрами. Турецкие башни Каланчи, находившиеся на обоих берегах р. Дон, в 3 километрах выше Азова, они препятствовали подвозу снабжения армии по реке. Подвоз же степью на расстояние 15 километров от пристани на р. Койсуга был труден из-за малого количества подвод и непрерывных нападений на транспорты татарской конницы. На ближайшей башне Каланче у ерика Широкого находилось 15 пушек и до 700 турок, на другой 21 пушка и 900 воинов. Между ними были протянуты толстые железные цепи и по реке набиты сваи, русло завалено большими камнями.

14 июля выбрав 200 добровольцев из донских казаков, которые внезапным нападением овладели вначале одной из башен, а через два дня – и другой. Путь по реке до русского лагеря был открыт, пристань перенесли к взятым турецким башням и возвели укрепительный редут. Турки не сидели молча и уже на следующий день провели вылазку против дивизий Лефорта на левом фланге. Там был сын Гордона полковник Яков Гордон, который занимался устройством апрошей в сторону крепости по левому флангу. Он со своим полком 3 раза отбивал янычар, все остальные необстрелянные войска под дикие крики турок бросились бежать в сторону 16 пушечной батареи. Генерал Патрик Гордон видя такие события с отрядом опытных бойцов бросился на помощь. Он отогнал противника и спас раненого сына, который чуть не попал в плен. Гордоновские стрельцы догнали янычар до крепостного рва около стен крепости, некоторые даже были в неприятельском рву.

Эти сведения были почерпнуты мною из писем Петра к Кревету от 17 июля 1695 года. Гордон позже писал об этих днях: *«Стрельцы и солдаты рассеялись по полю в паническом страхе, какого я в жизнь свою не видывал. Тицетны были все мои увещевания; я не отходил от редута, чтобы привлечь войско; но напрасно. Турки между тем были всё ближе и ближе, и едва не захватили меня в плен, от которого я спасся помощью сына и одного рядового»*. Лефортовский редут был захвачен неприятелем. Патрик Гордон успел остановить часть солдат; но не мог уговорить даже полковников двинуть войска вперед и отнять захваченные ору-

дия. Он пробовал привлечь криком Донских Казаков, которые стояли на реке Узьяк, выступить к крепости, но те, не имея приказа не двинулись на помощь. Ситуация изменилась к лучшему лишь когда на помощь пришли *«Потешные полки»*, они выбили турок в течении 3 часов из редута и отогнали их к крепости. Армия Лефорта потеряла убитым *«1-го полковника, 2 капитанов, 4 поручиков, 5 прапорщиков и до 400 нижних чинов; ранеными 3 полковника, 1 подполковника, 20 офицеров и до 600 рядовых»*. Янычары захватили 7 орудий, а наиболее большие при отступлении подорвали. Турки в этом бою потеряли до 600 человек убитыми. На военном совете Государь Петр был очень недоволен стрелецкими полковниками и объявил многим несоответствие и строгий выговор, войско пришло в уныние. Патрик Гордон позже писал: *«Всё делалось так медленно и беспорядочно, будто мы не имели вовсе в виду серьёзно взять крепость»*.

Донские Казаки шевелились намного быстрее чем стрельцы и в ночь на 16 июля, при жестокой стрельбе из пушек, по второй Каланче вынудили турок оставить эту крепость путём точной бомбардировки. К утру турецкий гарнизон бежал в Азов, но на пути многие янычары, не умеющие плавать потонули в реке, а часть была убита меткой стрельбой. После взятия этой крепости со всею артиллерию, со стороны Дона получена полная свобода продвигаться на баркасах и возникала возможность напасть на саму крепость Азов с реки.

При правой Каланче было взято более 1000 *«стругов, больших и малых, со всякими припасами»*; а в обеих башнях Каланчах взято 32 орудия. *«Теперь мы zelo свободны стали. Будары с запасами воинскими и съестными с реки Койсы сюда пришли; а прежде сего в обоз провожены были с великою трудностью от Татар сухим путём, и слава Богу во взятых оных каланчах яко врата к Азову отворились»*, так писал Петр в Москву к своему брату Иоанну.

После взятии Каланчей, войска наши окружили Азов по кругу и, построив напротив крепости осадные укрепления *«апроши»*. Генерал Гордон предложил довести *«контравалационную линию»* на левом фланге, где стоял Лефорт, до самой реки, чтобы пресечь татарской коннице сообщение с городом. Он же предложил послать большой отряд на правый берег Дона для возведения *«шанца»* против крепости Азов. Огонь с этого места из пушек будет очень действенный, так как Азов лежит на покато берегу к Дону, на наклонной местности и с того места видны даже улицы и дома внутри этой крепости. Часть артиллерии была расположена напротив крепости с левого фланга перед Донскими казаками. Этими крупными пушками все строения в городе Азов русские бомбардиры, включая Петра разорили и выжгли. Вокруг крепости уцелело только несколько домов за земляным валом со стороны реки Дон, и те были пробиты ядрами на вылет.

За июль месяц было произведено три вылазки русского гарнизона, на одной из них Петр Алексеевич лично с своим Преображенским полком преследовал неприятеля и в самом крепостном рве побил более 700 янычар. В то же время около 4000 татар смело напали на наш лагерь, проникли до пристани, где стояли *«будары с хлебными запасами»*. Казаки, продвигаясь вдоль Дона вступили в бой и отбили хлебный запас. Турецкая конница захватила наши конные табуны, пасшиеся в степи, но была вскоре окружена драгунами и смелым натиском загнана в реку Дон и ерик Широкий около Каланчи.

Открытая точная стрельба с башен способствовала тому что большая часть неприятельской конницы была побита, а другая часть была потоплена в реке.

К концу июля 1695 года, земляные осадные работы еще не были закончены и русские траншеи не были подведены ко рву крепости и отстояли на то время от него на 40—60 метров. Строительство нового *«шанца»* на правом берегу Дона, было вверено ближайшему стольнику, князю **Якову Федоровичу Долгорукому**.

Ночью **21 июля** он с отрядом в 4000 человек, переправился через Дон ниже Каланчей и начал строить плавучий мост и *«предмостовое укрепление»*. Далее его войска выдвинулись в излучину Дона к садам на Каланчнском острове напротив крепости, *«окружил себя рогат-*

ками» стали возводить земляные укрепления. Утром татары и янычары стали переправлять конные войска на судах через реку Дон. Гордон просил Царя выделить стрельцов от дивизий Головина и Лефорта, было необходимо рассеять татар на переправе ниже города, те как всегда медлили. Петр Алексеевич на коне быстро прискакал к дивизии Лефорта и прямым указанием отправил 1000 человек пехоты и конницы в район садов реки Узьяк ниже города Азов. Туда ещё раньше пришёл Патрик Гордон со своими людьми преодолев значительное расстояние. Он остановился на высоком берегу, оградил себя рогатками, развернул войсковое знамя, протрубив прибытие трубами и ожидал подкрепления от других дивизий. Позже он написал в своих воспоминаниях: *«...но я ждал напрасно; товарищи мои вовсе не желали следовать посторонним советам; не хотели также, чтоб я вызвавшись начальствовать их войсками, один приобрел славу успеха, и сперва откладывали присылку требуемых мною войск, напоследок решительно отказали в содействии. Чтобы не тратить даром времени и не обнаружить пред неприятелем наших беспорядков и распрей, я велел своему отряду возвести шанец близ Дона, для защиты левого фланга от набегов неприятельской конницы и для пресечения ей пути к Азову. Турки и татары, перешедшие на ту сторону, заметив наше движение к месту их переправы и вероятно опасаясь быть отрезанными, стремглав бросились назад к реке и переплыли её на лошадях, не дожидаясь судов. Это неожиданное отступление спасло нас от большой беды: отряд наш, бывший на другой стороне не имел никакой защиты, кроме рогаток».* Оставленный турками в покое князь Долгорукий в три дня завершил земляное укрепление, поставил пушки и мортиры и оставил 400 солдат и 200 человек донских казаков, сам возвратился к главному войску.

Осадные работы продвигались медленно, «апроши» Гордона были не далее 30 сажень от вала, Головин продвинулся ещё ближе. Донские Казаки, рывшиеся на речной стороне, подошли до 20 сажень от крепостного рва, только в дивизии Лефорта работы двигались медленно. Основной крепостной ров не был доступен, но военный совет все же решил произвести штурм.

Фрагмент диарамы Осада Азова.

Патрик Гордон как самый опытный на совете высказал своё мнение, указал на неопытность офицеров и недостаточную дисциплину в войсках и предсказывал неудачу при такой поспешности. Он вынужден был *«плыть по течению, иначе же я взял бы на себя всю ответственность в замедлении и дальнейшем пребывании у Азова».*

27 июля 1695 года началась бомбардировка крепости со всех батарей; ядра и бомбы летели в город, разрушали дома и укрепления, сбивали орудия со стен, обращая всё в пепел и развалины. Приведу цитату из письма Петра к брату Иоанну Алексеевичу *«...Азов в крепком облежании, раскаты и башины, где были пушки, и вся пушечная стрельба отнята и сбита; и в каменном городе как от пушек разбито, так и от бомб все выжжено, и жильцов никого нет; все вышли в вал, который против наших обозов, но и тут они без бедства».* Турки не спешили сдаваться. Искусные стрелки с длинными ружьями зорко следили из-за вала за нашими «апрошами». Меткими выстрелами они многих убили, недавно приехавший инженер из Швей-

царии Альберт Мурлот выглянувший из-за бруствера тут же упал убитый в голову. Муртаза паша, командовавший обороной, постоянно производил вылазки из крепости и каждый раз наносил нам значительный вред. Ещё одной неприятностью была турецкая конница, гарцующая по степям и перестреливаясь с казаками. Генералы пробовали склонить пашу к сдаче города и послали письмо с двумя Донскими Казаками, но получили отрицательный ответ, что он будет защищаться до последнего человека.

Молодой Царь требовал штурма, его поддерживал Лефорт и часть генералов. 2 августа на очередном военном совете Гордон ещё раз объяснял всем почему не стоит спешить, приводил различные доводы, что их план штурма слишком авантюрен. 5 августа он ночью отправился к 23 летнему Царю Петру Алексеевичу и старался убедить его, что на *«успех невозможно рассчитывать»*, но всё было тщетно.

Генерал Гордон плюнул в расстройстве и ушел в свою палатку спать. Сам Царь с Лефортом и со свитой генералов в эту же ночь пришли к нему и все хором уговаривали *«старика»* подчиниться им. После Патрик Гордон стал *«говорить, как все другие, несмотря на то, что сам не ожидал успеха. Всё шло так беспорядочно и небрежно, что мы как будто шутили, вовсе не думая о важности дела»*. Было решено вести на штурм добровольцев. Рядовым солдатам, за каждое взятое орудие обещано по 10 рублей. Донских Казаков явилось 2500 воинов, которые сказали, что их наберётся и более, если понадобится.

На подкрепление к ним назначено отрядить стрельцов. *«Для этого в каждом генеральстве набрали по 1500 охотников. Каждому такому охотнику была обещана награда в 10 рублей. На время штурма были созданы из добровольцев подразделения. Офицерский состав в них не назначался, а выбирался самими добровольцами»*. Охотники набрались с трудом, так как мало было опытных воинских людей. Особенно трудно было набирать их среди стрельцов, имевших хороший заработок и не спешивших положить голову в одночасье. Отряды добровольцев, каждый в 1500 человек, штурмовали на *«участках фронта своего генеральства»*, то есть там, где они были расквартированы. Из Донских Казаков было выбрано ещё дополнительно 400 опытных бойцов которым было приказано спуститься на лодках по реке и ворваться в крепость с прибрежной стороны. Все колонны наступающих должны были пойти на штурм одновременно. Но план атаки был выполнен своевременно не всеми. Бойцы Гордона начали штурм после звуков труб и подошли ко рву и завязала бой. Колонна генерала Головина не дошла до рва и под сильным огнём засела в садах у речки Азовки. Бутырский и Тамбовский полк подступили к угловому бастиону и бодро пошли на приступ без лестниц. Они храбро лезли на земляной вал и взобрались на него, но им не хватило сил овладеть бастионом. Генерал Лефорт запоздал и начал штурм тогда, когда атака Гордона была уже отбита.

Попытка отряда казаков ворваться в крепость Азов со стороны реки Дон на 20 лодках также кончилась неудачей, хотя в их лагере как раз и находился молодой Царь. Турки получили возможность сосредоточить превосходящие силы против разновременного штурмующих колонн и отбросить их одну за другой. Гордон видя напрасную гибель людей и *«не дождавшись царского приказа и пренебрегая его гневом, велел трубить отход»* и этим спас много воинов. Русские войска потеряли при первом штурме до 1500 человек убитыми и ранеными, урон турецкой стороны составил 200 убитых. Приведу небольшую цитату из воспоминаний Гордона: *«... так кончилась попытка штурма, около 9 часов Государь потребовал меня к себе, явились и другие генералы. Все они были скучны и печальны. Я просил созвать военный совет, чтобы надлежащим образом обсудить дело»*. На собравшемся после неудачного штурма совете некоторые генералы предлагали прекратить осаду. Но Петр I оборвал всякие разговоры о прекращении осады и потребовал продолжать ее с еще большей энергией. Было решено начать специальные работы и подвести под турецкий вал с трех сторон минные галереи.

Царь Петр Алексеевич хотя до сих пор и не принял на себя командования армией и всё так же продолжал часто собирать военный совет, но уже лично следил за исполнением его

решений. С присущей ему молодой энергией и настойчивостью Петр требовал точного выполнения своих приказов. Осадные работы велись сейчас с большей энергией. Гордон просил совет укрепить Каланчи, чтобы удержать их за собой в случае отступления от Азова. Никто не хотел слушать об этом, но старый генерал настоял на своём и после сам Петр с генералами отправился к Каланчам, чтобы распорядиться об возведении «*болверков*». Лефорт и Головин своим легкомысленными высказываниями по укреплению башен вывели «*старика*» из себя и тот с пеной у рта упрекал их в равнодушии.

В течение августа и первой половины сентября траншеи на всем фронте были доведены до рва, а под вал крепости подведены минные галереи. Инженерными работами руководил **Франц Тиммерман**, ему помогали Адам Вейде, Яков Брюс. Были произведены взрывы трех мин. Однако они не причинили вреда противнику. Укрепления ими затронуты не были, а взлетевшие на воздух бревна и камни упали в расположение русских войск, причинив им потери. Турки, сойдя с вала за стены крепости, не пострадали. Крепостная стена осталась невредимой. *«Эта неудача сильно огорчила Государя и привела неописанный ужас в войске, потерявшем после того всякое доверие к иностранцам».*

О другом военном совете **13 сентября 1695 года** Гордон пишет: *«...как обыкновенно в нем не было принято ни одного порядочного решения».* Такое положение дел, когда отдельные полки не доверяют своим командирам, а между высшим командным составом существует рознь, то любая война будет проиграна.

На Днепре русская армия Бориса Петровича Шереметева и черкасы гетмана Мазепы отвоевала у турок три крепости (30 июля Кызы-Кермень, 1 августа Эски-Таван, 3 августа Аслан-Кермен), письма от них читали торжественно в Розрядном шатре, в присутствии генералов и полковников, после чего был молебен и весёлое пиршество с пушечной пальбой. Каждый тост сопровождался залпом из всех орудий. Гром пушек заметно встревожил турок, которые не понимали, что происходит. Там на Днепре только одна сильная турецкая крепость Очаков еще контролировала выход из днепровского лимана. Сухопутная связь Крымского ханства с очаковским пашой и Буджакской ордой была прервана. Этот крупный успех Шереметева поднял престиж русской армии. В эту осень погода не пошла на встречу русским войскам.

Во второй декаде подул сильный ветер с моря так называемый «*понос*» и уровень воды в Дону и на побережье Азовского моря резко увеличился почти на 2 метра. Пошёл сильный дождь с градом. Затопило много пастбищ где паслись кони, хлебные запасы, укрытые в землянках, затопило водой, намокла и пришла в негодность соль. Иностранцы командиры, никогда не бывавшие в таких условиях, ничего не могли предпринять и боялись показаться перед своими войсками. Вместе с ветром пришёл и первый ранний снег. Ночью похолодало до отрицательных температур. Продолжать осадные и земляные работы было уже невозможно.

25 сентября Царь Петр решил повторить штурм крепости со стороны реки, влияние Лефорта и Головина было гораздо сильнее и Гордон остался как бы в тени. На этот раз атака должна была проводиться более организованно. Войска шли на штурм в своем штатном составе. Сигналом для одновременной, общей атаки должен был быть взрыв мины на участке генерала Гордона. В оба подкопа зарядили 95 пудов пороха и 46 больших и малых бомб. Взрыв мины был удачен – *«часть куртины и фас турецкого бастиона обвалились, и образовался пролом в 40 метров шириной»*, но камни, брёвна и доски обрушились на наши траншеи, где было убито 30 человек и 3 полковника, ещё около 100 человек ранено. Солдаты Бутырского полка и стрельцы Гордона легко взобрались на вал и бастион и уже появилось русское знамя. Казалось, что ещё немного и с крепостью будет все кончено, *«солдаты били турок камнями»*, они влезли *«на куртину и повреждённый болверк»*. Однако соседние колонны Головина и Лефорта замешкались, не вели штурм на своих участках с нужной решительностью. В результате турки, оправившись, сосредоточили все силы против Гордона и сбросили его войска с вала, а самого генерала чуть не взяли в плен.

Царь Петр Алексеевич, наблюдая за ходом штурма с другого берега Дона напротив крепости Азов, там была построена Сергиевская крепость. Он приказал Преображенскому и Семёновскому полкам с отборной *«тысячью Донских Казаков»* атаковать часть вала, прилегающую к реке с левого фланга от речки Узяк. Гвардейцы и казаки овладели валом и ворвались в город, но их удар запоздал. Не подкреплённые подмогую эти войска не смогли удержаться внутри города и вынуждены были отступить по реке на лодках.

К этому времени турки успели уже отбить атаку Гордона и могли беспрепятственно сосредоточить большую часть своих сил против петровской гвардии. Преображенский и Семёновский полки, не поддержанные другими войсками, вынуждены были отступить. Разновременность и неувязанность по времени русских атак явились основными причинами неудачи штурма. Колонны Лефорта и Головина фактически бездействовали. Это объясняется тем, что они, за исключением одного солдатского выборного полка Лефорта, состояли из московских стрельцов, враждебно настроенных к Петру. Потеряв надежду на взятие Азова, молодой Пётр решил бросить силы на другую крепость Лютик на Мертвом Донце и послал осмотреть местность инженера Рюля. Тот обследовав окрестности крепости донёс до Государя *«что покорение Лютина потребует не мало времени и многих пожертвований»*. Не добившись успеха и после второго штурма Азова, Петр отдал приказ войскам снять осаду и начать отход. Прежде чем начать движение, вокруг отбитых у турок Каланчей и Ново-Сергиевском городом там был оставлен гарнизон в 3000 человек. В конце сентября по ночам снимали орудия с батарей и отправляли их с обозами в Черкасск. Отход проходил по голой, незаселенной степи, в условиях поздней осени; не хватало продовольствия, татарская конница неумолимо нападала на лагеря и транспорты. 30 сентября пришла жестокая буря со стороны Азовского моря, вода в Дону поднялась очень высоко и затопила все низменные места.

Фургоны и телеги двигались по дорогам по воде, доходившей до осей колёс, много порошу подмокло, люди падали от тяжёлых условий. Переправиться через Дон на высокий берег не было никакой возможности и приходилось отступать по Ногайской стороне на виду у татарской конницы. Последним уходил Гордон, татары напали на оставший полк полковника Сверта и разбили его полностью. Бутырский полк подпустив противника на ружейный выстрел и залпом из всех орудий отбил охоту преследования неугомонных татар. 5 октября вся русская армия достигла Черкасского городка. Здесь постояв неделю, набравшись силы и перейдя Северский Донец двинулось обгорелой степью на Валуйки. В дороге начались морозы и поднялась продолжительная вьюга со снегом. Войска были одеты в летнюю форму одежды, замерзали и гибли от голода.

Патрик Гордон записал в этой связи в дневнике: *«По дороге я видел какие большие потери понесла армия во время своего марша, хотя и не будучи преследуема никаким неприятелем; нельзя было без слез видеть, как по всей степи на протяжении 800 верст лежали трупы людей и лошадей, наполовину объеденные волками»*. 1 ноября 1696 года (новый год начался в сентябре) наконец подошли к Валуйкам. Из 10 400 выведенных из-под Азова солдат к русским границам Лефорт привел всего около 8 тысяч. Сам генерал во время одного из переходов упал с лошади, ударился правым боком о камень, затем он долго лечился. Государь Пётр ехал в карете до Валук, а затем отправился рысью в Тулу, где осмотрел железные заводы Льва Нарышкина. Дождавшись там прибытия первых полков вступил с ними торжественно в Москву. Впереди Царя вели закованного в большие цепи турецкого пленника.

Причины неудач первого Азовского похода были следующие: отсутствие общего командующего, которого не мог заменить военный совет; войска к Азову подошли только во второй половине лета, что позволило туркам подготовиться к осаде и не дало возможности русским закончить осадные работы до наступления холодов; отсутствие флота у русских, не позволившее полностью лишить крепость поддержки извне, слабая подготовленность войск и недостаток знающих артиллеристов и инженеров.

3. Второй Азовский поход

В январе 1696 года в Москве скоропостижно скончался брат Петра Алексеевича, Царь **Иоанн Алексеевич**. Младший брат стал единовластным правителем. Это событие совсем не произвело на современников особого впечатления. Мало сохранилось сведений о погребении царя. Есть в архивных документах выписка, что хоронил его Архиепископ Московский Адриан и за гробом *«шел Петр Алексеевич в печальном платье, супруга Царица Параскевия Феодоровна, тело принесено к церкви Михаила Архангела, совершено надгробное пение, Пётр Алексеевич сотворя с братом прощение... стол накрывали бояре Михаил Яковлевич Черкасский, Алексей Семенович Шейн, Иван Борисович Троекуров»*.

Съ этую цѣлю войско Донское выслало изъ Черваска 1 ч. января мѣсяца 1696 г. къ Сергіевской крѣпости 2/т. ч.елов. казаковъ. Тутъ казаки посовѣтовавшись съ воеводою Акимомъ Ржевскимъ, послали сильную партію засѣсть въ скрытныхъ мѣстахъ и выждать неприятелей. Азовцы не замедлили сдѣлать нападеніе на городокъ и переранивъ 7 ч.елов. ратныхъ людей, хотѣли взять оныхъ въ плѣнъ, но засѣвшая партія казаковъ мгновенно бросилась на азовцевъ, обратила ихъ въ бѣгство и схватила одного знатнаго татарина, который при допросѣ показалъ, что азовцы вскорости ожидаютъ къ себѣ отъ крымскаго хана 900 ч.еловѣкъ емановъ, и великое множество ногайцевъ, черкесовъ и турокъ подъ начальствомъ салтановъ Шабанъ-гирея и Капланъ-гирея и Муртазы-паши, съ которыми на 5,000 арбахъ будутъ привезены провіантъ и разныя воинскіе припасы, для осажденія новопостроенной Сергіевской крѣпости.

Из ениги В.Д.Сухорукова «Историческое описание земли Войска Донского».

После похорон брата Государь Петр Алексеевич продолжил свою государственную обязанность. На Дону он оставил для защиты Сергиевской крепости и Каланчей после компании 1695года гарнизон под командованием воеводы Ржевского и приказал атаману Фролу Минаеву в случае нападения татар на эти объекты помогать всеми силами.

По этому случаю казаки Войска Донского немедленно отправили к Сергиевской крепости 400 человек для усиления гарнизона. В Москву 31 января по степи была отправлена «станция» с **атаманом Григорием Матвеевым** и пленником «*взяли знатного азовского татарина*» захваченного под Сергиевым городком. Он при допросе сказал, что турки везут «20 мозжеров», то есть мортиры большого диаметра и с ними 50 артиллеристов для уничтожения этой крепости напротив Азова.

В ответной грамоте Царя и Великого князя Петра Алексеевича на Дон от **4 февраля 1696 года**, сказано «*стоять и оборону против неприятельских людей чинить, не щадя голов своих, да и всем войском хотите вы, атаманы и казаки, того смотреть и остерегать, сколько вам Всемилостивый Господь Бог помощи даст и чтоб они, неприятели, казны не зажгли и для того поставили вы у пушечной и у пороховой казны на сторожю 200 человек казаков... служба нам великому государю, новопостроенный город Сергиев и Каланчи от неприятельского навождения берегли со всяким усердным радением и до взятия и ни до кокого разорения не допустили... и были те казаки в том городе и на каланчах до приходу ратных московских и городовых полков не отлучно... а ваше жалование послано на Дон с зимовой станции с **атаманом Якимом Филиповым***».

В первой неудавшейся компании по взятию Азова молодому Государю Петру стало понятно, что, не имея боевого флота эту крепость взять не удастся. Одной из главных причиной

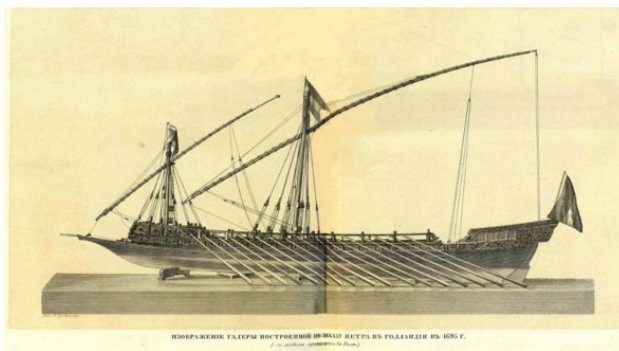
неудачи приступа и это ясно он видел был свободный подвоз в крепость живой силы, съестных припасов пороха и боевых снарядов. Прибыв в Москву, он начал готовиться к новому походу.

Немедленно по возвращении из подь Азова **Петр** приказаль двинскому воеводѣ прислать свѣдущихъ людей изъ Архангельска; въ то-же время онъ подыскивалъ подходящаго мѣста для постройки судовъ. Выборъ его палъ на Воронежъ, во 1-хъ потому, что тамъ уже были нѣкоторыя для этой цѣли приспособленія, и во 2-хъ суда построенныя на Воронежской верфи могли быть спущеными въ Донъ и стать такимъ образомъ на прямомъ пути къ Азову. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить еще, что Воронежъ былъ ближайшимъ мѣстомъ къ Азовскому морю, гдѣ можно было найти хорошій лѣсъ для судостроенія.

Фрагмент из книги П. П. Филевского «История города Таганрога».

Заготовка леса для строительства судов, пакли и железных приспособлений была поручена Григорию Титову. К февралю 1696 года было распилено 7000 стволов «для галеасного, галерного, каторжного и брандерного дела». Главным на строящийся флот назначен «адмирал морского каравана главного пути» **Франц Яковлевич Лефорт**. Себя Пётр зачислил капитаном 3 роты. Всего в районе Воронежа зимой собрали более 26 тысяч плотников, возчиков и иных работников, которые были заняты на постройке судов, заготовке и подвозке для них «членов» набора корпусов и стройматериалов. Перевозки обеспечивали несколько тысяч лошадей. Открылся санный путь Москва-Воронеж. Сам Петр лично участвовал во всех строительных работах как рядовой корабельный плотник и кузнец. Ещё в 1695 году Пётр заказывает в Голландии 32 вёсельную галеру, она предназначалась на Волгу и Каспийское море. Но война поменяла планы и разобранный галеру с моделью и с мастером срочно отправили из Архангельска в Москву и в Преображенское. Там вологодский плотник **Осип Щека** и нижегородец **Яков Иванов** с 32 товарищами приняли за постройку царской галеры по проекту голландской.

В феврале разобранные галеры отправлялись в Воронеж и с марта месяца уже начали собираться у пристанного двора **подъячего Маторина** на берегу одноимённой реки.

Голландская галера. Старинная гравюра 17 века.

На территории пристанского двора был возведён Государев шатёр-центр управления делами судостроения. Пётр принимает в строительстве галеры «*Принципиум*» и заложили два галеаса которые строил капитан **А. Мейер**.

Лефорт писал царю из Москвы о выполнении возложенных на него поручений: «...а галей с Москвы до твоего писма все пошли. Про Маэра изволил ты писать, что он не бывал, и я непрестанно к нему посылал, чтоб он с Москвы ехал. И на Франц Тимермана в том он был сердит, что он ево с Москвы понуждал; отнимался тем, сказывал, что у него платья не готово. А на пилавой мельнице работают денно и ночью и доски готовят и приишем к вашей милости».

Галеасы получились очень хорошие им присвоили названия «*Апостол Пётр*» и «*Апостол Павел*». Работы по строительству шли высокими темпами, и уже 2 апреля 1696 года, при выпавшем снеге, были спущены на воду галеры «*Принципиум*», «*Св. Марк*», «*Св. Матвей*».

Уважаемый читатель как я говорил выше адмиралом флота назначен был Ф.Я.Лефорт, вице-адмиралом Ю. Лима, шаутбенахтом Б. де Лозиер. Боцманом на царской галере был назначен **Гаврило Меншиков**, констапелем **Гаврило Кобылин**, подконстапелем **Иван Вернер**. На Пасху устроили праздник «...была из пушек стрельба великая на многие час».

Русские корабли. Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Кроме этого **Григорию Титову** в Воронеже приказано к 20 марта приготовить 250 стругов: «в том числе 15 с чердаками, 3 с светлицами, 2 с мыльнями брусинные, 230 без чердаков. **Константину Кафтыреву** в городе Козлове 350 стругов, **Сильвестру Агибалову** 350 стругов, **Козьме Титову** в Сокольске 350 стругов, да каждому стругу по лодке, да на Воронеже сделать 30 лодок морских липовых однодеревых. Всего 1300 стругов». В сохранившейся ведомости об раздаче стругов сказано: «...отданы на хлебный дворец под уголья и дрова... под живую рыбу... под дворец для поклажи льду... под кони государев... два крытых под аптеку». Один был отдан Петру в личное пользование... капитану Петру Михайлову, а расписался в том струге капрал Преображенского полка **Иван Тельной**»

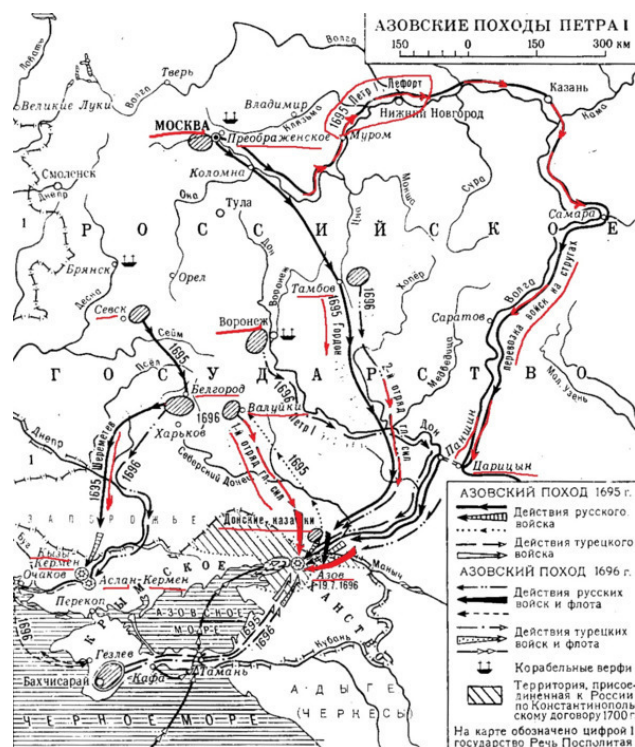
15 марта 1696 года наместник Псковский **Алексей Семенович Шеин** «полку своего с конными и пешими ратными людьми с Москвы пошел». Всего в большом полку по наряду было 46235 человек, из городов Рязани, Тамбова и других было направлено 12 100 человек. Войско Запорожское в составе 15000 человек «обоих сторон Днепра» под командованием Гетмана **Ивана Степановича Мазепы**. Всего набралось 64 735 человек исключая Донских Казаков и Калмыков.

От Москвы до Воронежа у Шеина были остановки: «*Выхино, Жилино, Коломенское, Спасское, Преображенское, Горы, Накаполово, Толстых, Подхожее, Подосиновик, Проня, Елифань, Калюкановка, Покровское, Донков, Лебедянь, Павловское, Студенец, Ржатово, Дубовое, Хлебное, Животинное, Воронеж* пришел 31 марта во втором часу ночи, всего 325 верст». В среднем Большой полк проходил 10 -15 вест. Далее после небольшого отдыха 20 апреля подошел к пристани и 26 числа в 6 часу дня отправился по реке «на будары и устроился со всеми к плавному ходу по воинской обычности, в назначенный военный путь».

Адмирал Лефорт был болен, но всё же вышел 1 мая из Воронежа «со своим морским караваном на галеасах, галерах и брандерах числом 30 с войсками и с огнестрельными и зажигательными снарядами».

Капитаном 3 роты был *«Петр Алексеев, порутчиком Альбрехт Пиль, кумандиром Иван Головин, урядником Михайло Волков, боцманом Гаврило Меншиков, констапелем Гаврило Кобылин всего 172 человека»*. Они шли вдоль городов и сел, приведу их названия: *«Костенск, Урыва, Коротояк, Дивногорский Монастырь, далее 6 дней не было городков, Донецкий городок, Казанка, Микулин, Тишанка, Решетов, Вешики, Хопер, Медведицкая, Расопин, Клецкой, Кременской, Григорьевский, Сиротин, Илавлю, Качалин, Панишин городок, Голубин, Пятьизбенск, Чир, Кобылин, Ясаулов, Зимовейки, Курмаяр, Нагавкин, Гугин, Перелыгин, Романовский, Камышиников, Быстрянский, Коргал, Михалев, Троилин, Кагальник, Ведерников, Бабей, Золотой, Кочетов, Семикарокор, Раздор, Мелехов, Бесергенов, Маныч, Багаев, Черкасский городок 19 мая в 4 часу дня»*.

Встречал их в Черкасском городке наказной атаман Илья Зерньщиков с знатными войска Донского казаками. Ранее 11 мая **полковник Каспар Гулиц** со своим полком первый перешёл реку Дон на Азовскую сторону.

Азовские походы Петра Великого. Карта 20 века.

В путевом журнале Петра I было записано: *«В 14 день... с полночи в 3 часу прошли городок Роздор, стоит на правой стороне. День и ночь шли парусом и греблюю. Полночи стояли для погоды под Раздором. Северский Донец впал в Дон с правой же стороны»*.

Донские казаки и стрельцы с **атаманом Леонтием Поздеевым** 13 мая встретили на подступах к Азову турецкие корабли *«и промысел и поиск над неприятелем учинили»*. Взяли в плен 2 корабля и 11 больших *«тумбасов, татар на них порубили и потопили и в полон поймали многих, и пороховую казну припасы и пожитки побрали многие»*. Турки, отразив первую осаду никак не ожидали, что русские за зиму соберут такую армию и флот. Отставшие в крепости зимовавшие силы поправили только земляной вал и сложили по новые бастионы. Апроши, насыпи, рвы, раскаты под батареи остались в том же положении, в каком русские войска их оставили прошлой осенью. Ров у крепости они не засыпали, насыпи не раскидали, что стало неплохой подмогой в наступившем году. На плане осады размещённом выше, мы видим, что русские войска новые *«апроши»* подвели прямо под стены крепости. Султан послал вес-

ной подкрепление в 4000 человек пехоты, но они опоздали и не могли пробиться к обложенной русскими крепости. Множество крымцев и ногайцев было на Кубанской стороне за рекой Кагальник. Ими командовали Нурадын-салтан и Кубеком-ага.

19 мая атаман Фрол Минаев на 40 казачьих лодках имея по 20 человек на каждой пошли рекой Каланчой и Кутюрмой к Азовскому морю, за ними следовал молодой Царь Пётр с 9 галерами, на которые был посажен один из пехотных полков П. Гордона.

23 мая 1696 года генерал Карл Ригимон с 10000 воинами Рязанскими, Белгородскими полками и *«атаман Лукьян Савинов с 4000 Донскими конными казаками и Калмыками пошли под Азов сухим путем»*. Адмирал Лефорт в это время ещё находился в Черкаске и записал в своём дневнике: *«Я несчастлив, что не участвовал; надеюсь выздороветь, и тогда, божеею милостью, я буду участвовать в следующей победе»*.

26 мая Алексей Шеин с пешим войском пришёл с Ногайской стороны к городку на стрелке между Доном и Каланчею. Флот Адмирала Лефорта в составе 22 галер под руководством капитана Лимы и Петра Алексеевича в это время пошёл *«ериком Кутерьма»* к Донским устьям. Там на берегу они возвели 2 земляных укрепления для безопасной стоянки галер. Это был первый выход Русского флота в Азовское море. **27 мая** поднялся сильный ветер с моря и продолжался всю ночь и следующий день, вода, нагоняемая с моря, затопила острова, на одном из которых высадился лагерем Гордон. Он вынужден был снова перебраться на галеры, но ночью буря ещё больше усилилась и раскидала гребные суда по берегу. Позже Гордон в своих мемуарах писал: *«...мы провели ночь в великом страхе»*. Флот-это испытание отстоял благополучно, в судовых журналах было записано *«день и ночь была погода великая»*.

2 июня к первому отряду присоединился вице-адмирал Ю. Лима с 7 галерами.

7 июня дан приказ полкам Петра Ивановича (Патрика) Гордона, Автоному Михайловичу Головину, Карлу Ригимону *«чинить ко взятию Азова всякий промысел днем и ночью, вести шанцы и в них делать раскаты и в раскатах ставить большие пушки, галанки и мозжеры и полковые пищали»*.

10 июня татары, армия которых состояла из 60 000 человек, сделали первую вылазку из-за Кагальника на полки Шеина и ранили несколько человек. Ниже Азова на Дону были сделаны два земляных города с пушками для отражения десанта с вражеских кораблей. Море и устья Дона были все заперты Московскими морскими судами. Царь Пётр, спрятав галеры за Канарским островом отправился на легких казачьих лодках обозревать дельту Дона. В исторических архивах остался рисунок самого царя, который я обязан привести, тут мы видим, что он плывал до мыса Таганий рог. Крепость, Лютик которую он пытался захватить ещё в первую осаду то же здесь на рисунке и обозначена цепь и мост через Мертвый Донец.

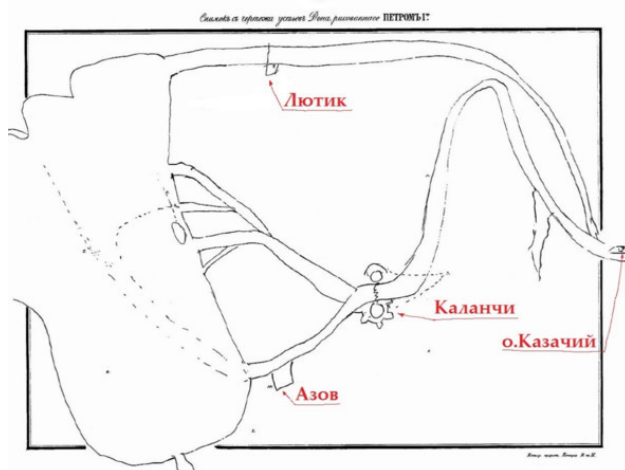

Рисунок устьев Дона нарисованные Петром Первым.

Первый бой Донских Казаков под руководством молодого 24 летнего Царя Петра Алексеевича состоялся в эти дни. Отряд состоял из множества лодок, наполненных казаками. Турки, ничего не подозревая как всегда подошли к устью Дона на больших кораблях и отправили к крепости 14 гружёных «*тумбасов*». Казаки быстрым ударом овладели 9 транспортами, многих противников побили, взяли в плен 27 человек. Остальные 5 транспортов ушли к своему флоту, который поднял паруса и обратился в бегство. Догнав 2 корабля один захватили, другой потопили, взяв в плен 270 человек и одного «*агу*». Далее они прибили к берегу 10 полу-галер, остальные загнали на мель и камни. На отнятых судах найдено 50 000 червонцев, сукна на 4000 человек, 70 медных пушек, множество снарядов, 300 бомб, 4000 гранат, 80 бочек пороху, большое количество свинца, сабель и другого мелкого оружия.

За первую такую победу Государь пожаловал казакам все деньги, сукно и прочую добычу, а воинские снаряды и оружие повелел обратить в казну. В своей книге историк Сухоруков писал: *«Эта морская победа останется навсегда у Донских Казаков знаменитым происшествием; в первый раз они сражались под личным предводительством Величайшего из Моноархов России и храбростью своею заслужили его милости и доброе о себе мнение»*.

12 июня прибыл шаутбенахт Б. де Лозиер с одной галерой и 4 брандерами. Всего галер собралось 34 штуки, и все стояли поперёк залива готовые встретить неприятеля. Ночевал молодой Царь на галере «*Принципиум*».

Крепость Азов. Гравюра Лавалья 17 век.

14 июня дозорные сообщили Петру и вице-адмиралу Лима, что видны на море паруса. Генералы и Царь срочно прибыли к побережью и увидели 16 турецких кораблей, 3 каторги и 14 фуркатов. Это пришёл Анатолийский Турночи-паша с 4 000 десантом. Петр Алексеевич, вице-адмирал Ю. Лима и Б. де Лозиер развернули свои корабли и галеры в боевой порядок в устье Дона.

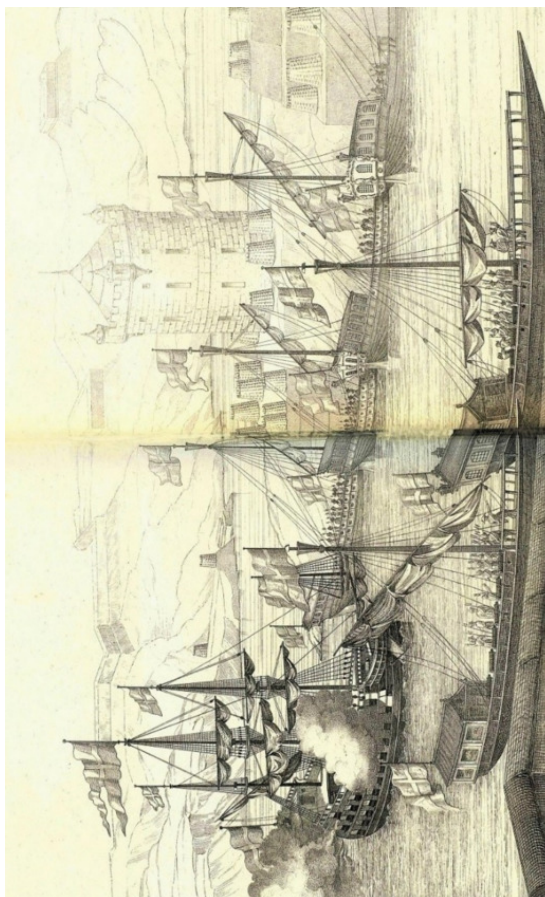
На гравюрах и картах инженера Лавалья, хорошо видны башни Цитадели и каменные стены крепости, камни для которой турки привозили на «*тумбасах*» от «*Белых камней*» у Мертвого Донца. Так же здесь видим направление стрельбы пушек и мортир. Огонь велся со всех сторон и от Сергиева городка, через реку Танаис по-нынешнему Дон.

Турецкий адмирал в течении 2 недель стоял, не предпринимая никаких действий. Из письма Петра к Ромодановскому находим: *«намерен он был в Азов пройти, но увидя нас принужден намерение свое оставить и стоит в виду нашего каравана и смотрит, что над городом делается»*. Спустя две недели Турночи-паша на 24 судах предпринял попытку высадить десант *«но едва наши стали вынимать якоря, чтобы на них ударить, Турки тотчас подняли*

паруса и ушли в море». Царь в это время жил на галере «Принципиум» её можно видеть на гравюре художника Схонбека 1699 года, правда корабль «Апостол Пётр» ещё стоит у Каланчи.

На берег Петр приезжал изредка, для проведения совещаний со своими генералами, он им полностью доверял. Будучи на батареях непременно стрелял из пушек и мортир по крепости, а к вечеру возвращался на галеру.

Здесь ещё скажу об адмирале Франце Яковлевиче Лефорте. Один из историков и биографов сказал так: *«Доколе будет существовать Россия, с именем Петра будет неразлучно имя Лефорта»*. Вот и мне и другим людям в 21 веке приходится говорить об этом человеке, ему так и не пришлось принять участие в боях за Азов по болезни.

Русский флот у крепости Азов. Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

Историк **Михаил Богословский** так комментировал решение царя назначить адмиралом шотландца: *«Очевидно, не какие-либо познания Лефорта в морском деле и не способности его к мореплаванию или кораблестроению оказали влияние на решение царя, а только дружба и симпатии к нему и преданность, которой тот платил за эту дружбу. Разумеется, адмиральское звание для Лефорта было только почетным, украшающим титулом. Действительное направление всего дела сооружения флота Петр оставил за собой»*.

Капонада по Азову открылась 16 июня вечером, в присутствии Царя, нарочно приехавшего в лагерь, чтобы бросить первые бомбы. Выстрелы наших орудий производили жестокое опустошение в неприятельском городе; не было ни одного дома неповрежденного, разбитого, взорванного; Турки по прежнему укрывались в землянках, делали частые вылазки, врывались в наши траншеи и не хотѣли слышать о сдачѣ.

Фрагмент из книги Николая Устрялова.

Нурадин- паша постоянно донимал набегами со степи и вот 18 июня пришли под Азов войска гетмана Мазепы и встали «*подле обозу большого полку к реке Дону по левую сторону*».

Малороссийские конные черкасы Черниговского наказного гетмана Якова Лизогуба, Галицкий полк Барахomicha, Лубенский атамана Свечки, Прилуцкий атамана Горленки и два сборных Кожуховского и Вальковского. Черкасы расположились в поле, за валом, чтобы не пропускать конных татар из-за Кагальника. ...из книги Рубана похода Шеина

Июня въ 20 день въ 8 мѣ часу дни, выходили изъ Азова непріятельскіе люди, войска Малороссійскаго, на козацкіе шанцы и былъ бой и за Божією помощію, тѣхъ непріятельскихъ людей многихъ побили, гнали ихъ и побѣжали по самую Азовскую стѣну.

Цитата из книги Василия Рубана. «Поход боярина Шеина»

23 июня в ночь наши войска предприняли действия по засыпке рва, окружавшего крепость Азов, начали от «*шанцов валить вал земляный*». На следующий день все крымские татары, кубанские ногайцы на конях и пешим строем пришли на русские обозы, и Донские Казаки вместе с Малороссийскими черкасами «*их поганых били и бой с ними имели большой... тех неприятельских людей многих побили и смелое на них поган наступление и храбрость, неустояли и обратились в бегство, и конница гнала их и рубили до речки Кагалника, на 10 верстах*».

В книге «*Поход Боярина и Большаго полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города*» изданного Василием Рубаном в Санкт Петербурге в 1773 году сказано: в том бою «*большаго полку ратных людей побито и ранено*», а про потери казаков и черкасов нигде не было учтено. В полон взяты наши стольники: Алексей Лыхарев, Федор Хрущов, Иван Жадовской, князь Никита Ухтомский. Ещё взяты татарами жильцы: Дмитрий Воейков, Павел Киреевский, Симон Палицын. Были ранены стольники: Князь Петр Гагарин «*копьем в спину, под правое плечо, да по голове в правый висок, да в спину застрелен из лука, раны тяжелы*», Иван Тихменев, Алексей Ознобишин, Иван Золотарев, Федор Хрущов, Семен Карпов, Федор Дурной, Семен Тургенев. Все потери Василий Рубан описывает до точности. Убиты: стольники-Сила Васильев сын Лихарев, Семен Михайлов сын Кабанов, Богдан Андреев сын Караваев, Кирило Гордеев сын Грсков. Иван Данилов сын Дурной; стряпчие- Карп Иванов сын Мятлев, Андрей Осипов сын Волжинской и так далее.

29 июня 1696 года воевода Алексей Шеин послал на передовую своего посыльного стольника Тимофея Ржевского с письмами, написанными в Азов «*азовским сидельцам, Руским и Татарским письмом и велел те письма из шанец кинуть в Азов на стреле из лука*».

Мы Христіане, крови вашей не жа-
лаеть, городъ Азовъ Намъ здайте съ
ружьемъ и со всѣми припасы безъ кро-
ви, а вамъ вѣкъ и съ пожитками да-
емъ свободу, куда похочете. Буде по-
хотите служить Великому Государю
Нашему и вамъ въ вѣръ вашей тѣс-
ноты не будетъ, а пожалованы буде-
те Его Государскою милостию жало-
ваньемъ и кормами прошивъ того, ко-
торые ваша братья, будучи въ своей
вѣрѣ, Ему Великому Государю служашь.

Цитата из книги Рубана. «Поход боярина Шеина»

Татары решили защищаться и предприняли атаку на «шанцы» Большого полка «...и тех неприятельских людей из шанец многих побили и от шанец отбили и гнали их до Азовского валу».

1 июля от реки Кагальник пришли конные войска Нарадын-султана Крымского, Муртазы-паши Кафского и Кубек-аги Кубанского и совершили нападение на обоз Большого полка и князь **Алексей Семенович Шеин** с Малороссийскими Черкасами и Донскими Казаками и своими ратными людьми твердо дали отпор: «...и с теми неприятельскими людьми был бой большой... и на том бою многих побили и видят неприятельские люди у себя большой упадок, а Московских ратных людей мужественную храбрость и жестокие на них напуск; убоясь с бою побежали; а большого полку ратные люди гнали их и рубили до речки Кагальника, да на том бою убит Кубанской перьвой Дулак-мурза и голова ему отсечена и привезена в обоз большого полку, неприятельские люди той головы просили на откуп многожды».

Пока шли бои на суше Русский флот оставался в наблюдательном положении. В судовых журналах только **8 июля** было записано «на заре была пушечная стрельба и из мелкого ружья со всего нашего флота». Турки были в шоке от такой массы новых русских галер.

17 июля была начата атака на крепость Азов с 3 сторон. Полки Шеина, Гордона, Голицына стали вести огонь из всех орудий. Защитники Азова перекинули все свои силы на южные стены. Начали возводить высокий земляной вал, чтобы потом привалиться к валу крепости. Войска работали поочередно, на каждую смену выходило не менее 15000 человек. Русский вал так приблизился к крепостному, что солдаты нередко вступали с янычарами в рукопашный бой. Прибывшие на помощь зарубежные артиллеристы под руководством полковника Граге с правого берега Дона от Сергиева городка разрушили «палисады в угловом болверке».

Пётр у Азовского моря. Фрагмент с картины. художника Петра Фёдорова.

В это же время ночью Донские Казаки под руководством Фрола Минаева и Запорожские Черкасы с Яковом Лизогубом, числом около 2000 человек, на лодках и пешие двинулись вдоль реки и овладели двумя бастионами со стороны Дона, завладев 4 пушками. Казаки держали свои позиции в течении 6 часов, при нехватке свинца они бывало стреляли из ружей деньгами «разрубленными ефимками». Конечно Гордон видя такое положение перекинул часть своих войск на помощь героическим смельчакам за ним последовал и Головин со своими гренадерами. Азовцы неся потери от стрельбы пушек с занятых бастионов вынуждены были отойти глубже в город за стены Цитадели. Казаки, плотно сидевшие в угловой башне решили отправить «многочестнейшему командору» своего есаула с известием, что взяли Азовскую валовую стену. Утром янычары предприняли попытку в 2000 человек прорваться в крепость, но большинство были разбиты, а оставшиеся в живых бежали. Защитники Азова видя, что на помощь уже никто не придёт, вынуждены были сдаться **18 июля 1696 года** с условием свободного выхода воинов совместно с гражданскими жителями.

Престарелый **турок Кегай-Мустафа Тарыбердиев** вышел на стены и махая шапкой просил Головина прекратить огонь, он доставил письмо боярину Алексею Шеину. В этом письме было сказано «письму, переброшенному на стреле азовцы не верят, не видя на нём боярской печати, и что они сдадут город, как скоро получат такое же письмо за подписью боярина и сургушной его печати» и уже на словах сказал «выпустить их с женами и детьми». Боярин и Князь **Алексей Семенович Шеин** не замедлил послать, в Азов с Донским Казаком **Самариным** требуемое письмо, «подтвердив прежнее обещание даровать свободу Азовским сидельца с их семействами». Через час из крепости вышел с белым флагом командир **Гасан бей Арасланов** для окончательного решения по сдаче.

Турки сдавали Шеину крепость Азов со всеми орудиями и снарядами; русские представляли свободу выйти из города в полном вооружении, с семействами и пожитками, и обязывались перевезти их на своих судах Доном до устья реки Кагальник. На требование вернуть изменника бывшего капитана Якова Янсена турки долго не решались, так как он успел принять мусульманство. После упорного спора и настойчивости Шеина бей согласился. Предатель Янсен связанный по рукам и по ногам был привезён в Русский лагерь, где он дико кричал на турок: «отсеките мне голову, а Москве не отдавайте».

Наступила ночь Гасан бей остался в Русском лагере «аманатом», то есть заложником. Утром **19 июля** восемь полков россиян выстроились от Дона до южных ворот крепости Азов. Именно туда подошли все 34 галеры с пушечной стрельбой и бросили якоря у сдававшегося Азова. Ещё на реке было приготовлено 30 больших стругов и 2 галеры под командованием Адама Вейде для перевозки побеждённых до Кагальника.

Малороссийские Казаки. Художник. Игорь Дзысь.

Турки, вооружённые с головы до ног в большом беспорядке, бросились к судам после открытия ворот, другая часть кинулась в степь. Гасан Арасланов, сопровождаемый знатными турками с развевающими знамёнами, вышел к Шеину сидевшему на коне у берега Дона так же окружённому своими командирами. Бей преклонил перед ним 16 знамён и вручил городские ключи от Азова, благодарил за честное исполнение условий и на «осмнадцати бударах» отправился вниз Доном к устью Кагальника.

Турецкий гарнизон потерял более 2000 человек и при сдаче составлял 3700 человек. Гражданских жителей и женщин было 5900 человек. Алексей Шеин велел подчинённым принять город и «описать все пушки и всякие полковые и осадные припасы».

Боярин А. Шеин. Гравюра 17 века. Неизвестный художник.

20 июля Большого полка боярин и воевода Алексей Семенович Шеин приказал Донским Казакам и Калмыкам занять крепость Лютик на Мертвом Донце. По приходу этих войск к Лютику и окружении его вынудили турок сдаться и отправили письмо к Шеину с **казакom Потапом Яковлевым** и 2 калмыками. В письме говорилось *«город и крепость Сеид Ислам (Лютик) здаём со всем что в нём есть. Подписали это письмо Махмет ага, Мустафа Алаха-мет ага, Ахмет Гусейн ага и печать приложили»*.

Русским войскам досталось в Азове: *«Пищалей с жаграми-43, пищалей ложки ломаные-33, стволов пищальных-680, стволов ломаных-173, панцырь-1, бахтерцов-57, луков ломаных-56, сабель ломаных-16, олова крупного-3 ящика, пил-6, кирок-200, буравов-60, ломов железных-33, цепь железная-1, топоров-16, 3 пуда серы белой. Пищали и пушки турецкого и московского литья, чугунные и медные- 96 штук, мозжеров-5 штук, якорей железных-5 штук»*.

ВЪ ГОРОДѢ ЛЮТИКѢ городоваго
строенія,

Городъ Каменный, 4 башни осми-
угольныя крыши песомъ, на городѢ 4
караульны деревянныя съ выпуски, кры-
пы песомъ.

Городъ отъ моря стѣна 18 сажень,
другая стѣна къ Донцу рѣкѢ 19 са-

Цитата из книги Рубана «Поход боярина Шеина».

женѣ. другія двѣ спѣсны по помужѣ, въ ономѣ кругѣ всего города 21 изба жилыхъ, на нихъ чуланы лѣтніе съ решетками жилыхъ, покрыты песомъ, а сверхъ песу земля и по нихъ кругѣ города ходѣ.

Въ городѣ мечеть каменная крыша песомъ, а сверхъ песу черепицею, позадь ее конюшня каменнаяжъ, четыре чулана смѣжныхъ жилыхъ; а передъ пѣми чуланами лѣтніе чуланыжъ.

Въ городѣ ворота проѣзжіе близъ паутовой башни, створы двойные желѣзные, надъ вороты цѣпь съ лица желѣзная большая.

Около города съ трехъ сторонъ ровѣ.

Да въ городѣ нижнемъ подошевному бою, подъ тремя башнями 3 дробовика мѣдныхъ.

Отъ рѣки Донца въ подошевному бою въ спѣнѣ 4 пушки мѣдныя Голландскыя.

Цитата из книги Рубана «Поход боярина Шеина».

В городе Лютик описано было: «пушек Голландских-5, пушек полковых-6, дробовиков-13, пушек медных со станками-31, ядер по 4 фунта-500 штук, гранат-300 штук, пороховой казны-14 чек, стрел-300, пицалей с жаграми-79, луков камышовых-14, свинца-2 пуда. пищальцы-3 мешка, соли-10 мешков, щитов кожаных набитых железом-20, луков старых-50, сундук-1, лопаток и кирок железных-8, лопат деревянных-100, знамя тафтяное желтое с алым-1, дробовых заправ-33, ядер на цепях-20, копья с крюками-33, стволов пищальных-55, сабли булатные, синего булата-4, сабель железных-60».

Цепь железная большая, которая была «переволочена через Донец реку-1 штука». Взято 24 лошади и отдано Донским Казакам. **21 июля** Алексей Шеин велел своим ратным людям привести крепость в порядок «разбитые и худые места крепости Азов починить и вновь город земляной и всякие крепости по размеру присланного Цесарскаго инженера Антония Де Лавала». Лаваль предлагал Петру укрепить покоренный город и крепость «пятью каменными бастионами с рavelинами на запад, с кронверком на восток, с обширным ретраншементом в степи на Кубанской стороне и отдельным фортом на правом берегу Дона».

В городе были сделаны 2 церкви одна «Похвалы Пресныя Владычица нашей, и Присно Девы Марии», другая «во имя Честнаго и Славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна, честныя Его Главы усекновения». Всё войско приступило к работам, главным назначен полковник Брюкель. Сам Государь Петр и инженер Лаваль принялись искать в близлежащих местностях удобную и глубокую гавань для Русского флота. В дельте Дона глубины были малы и корабли приходилось переводить на парных понтонах- «камелях».

25 июля адмирал Лефорт, так и не принявший из-за болезни участия в военных действиях, оставил флот и «пошел от Азова в путь свой, вверх рекою Доном, парусом, и провожали его командер (царь Петр) и капитаны». Уже в сентябре он прибыл в Москву совершенно разбитым и писал матери: «...я много вытерпел в походе. Врачи и хирурги делают всё возможное. Объем раны очень велик и глубок».

Молодой Государь Петр Алексеевич на противоположной стороне Азовского моря видел высокий берег и совершил поход на казачьих лодках к необитаемому мысу Таган-Рог (Патрик Гордон писал Tagana-Rogue). Изведав на опыте глубину устьев Дона, он решил осмотреть всё побережье приобретённого моря для выбора новой гавани для флота. По ходу движения они промеряли глубины. Вся компания побывала и у друга низкого мыса с названием Очаковский Рог. Историк Николай Устрялов пишет: *«Первый мыс оказался несравненно удобнее второго по высоте положения, по крепкому каменистому грунту, по глубине моря, по обширности места для гавани, по значительному количеству пресной воды, бившей из родника и выбор Государя пал на Таган-Рог»*. На Очаковском мысу Петр решил возвести сильный форт. С рассветом следующего дня отряд спустился на веслах к Мертвому Донцу. Петру очень хотелось посмотреть крепость Лютик. Ветер был с материка и воды в реке было очень мало, так что пришлось несколько миль перетаскивать лодки в устье Донца, как раз там, где сейчас стоит село Синявское Ростовской области.

Петр. Фрагмент с картины художника Питера Шенка 1696год.

30 июля вышли в расположение Большого полка из-за реки Кубани беженцы от татар и звали их *«Пронька Золотарёв, Янко Черкашенин, Климка Черкашенин, Васька Волошенин, казанский татарин Бамбет Уимеев их отправили для распросу в разряд Посольских дел»*. Из документов следует, что жители азовские были и из числа малороссиян и великороссов. Например, много встречается людей с фамилией Черкашенин, то есть потомки одного из первых атаманов на Дону.

31 июля были отпущены из-под Азова Запорожские Черкасы гетмана Лизогуба, с ним ушли *«126 стариины, да 13782 казака, которым выдано жалование золотыми деньгами 15000 рублей... гетману 40 соболей в 100 рублей, 30 золотых, да 3 косяка лаудану; полковникам по 15 золотых и по 2 косяка лаудану»*.

13 августа было торжество по поводу освящения новой церкви. По указу Государя городом Азов остался управлять воевода и стольник **Князь Петр Григорьевич Львов**. Ему помогали дьяки Василий Русинов и Иван Сумороцкий. С ними оставлено 8303 воина 6 солдатских полков и 4 стрелецких, а также один Казачий полк, составленный из Донцов.

16 августа боярин Алексей Шеин *«с Его Великаго Государя службы из заваеваннаго города Азова, со всеми ему врученными конными и пешими ратными людьми пошел к Москве сухим путем»*.

В походном журнале Петра, в августе месяце 1696 г., находим такую запись, в которой снова упоминаются Раздоры. Царь Пётр Алексеевич следовал из покорённого Азова в Коротояк: *«В 17 день. День был красный с ветром. По утру приехали в городок в Роздоры, в обед також и ночь была с ветром...»*

Историк казачества Е.П.Савельев пишет: *«Таким образом, со взятием Азова доступ к морю на юге России сделался открытым. Эта была старая мечта Донских Казаков, не одно-*

кратно владевших этим городом и потом отдавших его обратно туркам по повелению московских царей, не желавших войны с этим сильным врагом».

Взятие Азова наша страна Россия приобрела большие выгоды влиянием своим на другие народы, кочевавшие около реки Кубань, многие из них тогда же признали власть над собой Московского Царя. Недовольные кочевники были стеснены набегами Донских Казаков и ушли в степи за реку Кубань и тем самым сделались менее опасными границам России и «*окраинным городкам*».

Аюка-гайша со своими калмыками изменявший периодически Русским Царям торжественно принёс «*новинную*» и новую присягу. Они получили дозволение кочевать по Хопру, Медведице и Манычу. Донские Казаки стали расселяться в дельте Дона и за её пределами в направлении к реке Кубань всё дальше тесня кочевников.

Взятие Азова. Старинная гравюра 17 века. Неизвестный художник.

30 августа войска Алексея Шеина пришли за Северский Донец к реке Андаре и получив приказ от Царя «*собрав ратных конных и пеших людей к разрядному шатру, сказал им Его Великаго Государя милостивое слово за их службу отпустил по домам... а за те свои верныя и радетьельныя храбрые службы и за тяжельные кровавые раны ожидалиб к себе Его Великаго Государя милости и жалования*». Были распущены основные военные силы, а Преображенский, Бутырский и некоторые другие полки «*нового строя*» продолжал движение к Москве и 2 сентября они прибыли к Волуйкам. К концу сентября возвращавшиеся из-под Азова части стали лагерем близ деревни Кожухово. Царь Петр следовал перед основным войском на специальной карете и посетил по пути Городищенский, Ведменский, Протвинский железные заводы. Он распорядился делать как можно больше чугунных и железных боеприпасов, отливать пушки и якоря для будущего флота России. В Тульской казенной слободе Пётр встретил искусного **кузнеца Никиту Давыдова**, который позже станет родоначальником горных промыслов на Урале.

Далее приведу цитату из книги Рубана «*Поход Боярина и Большаго полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города*»: «*...Большого полку ближний Боярин и Воевода Алексей Семенович Шейн и Адмирал, и Командор и Генералы с солдатскими и стрелецкими полками с Государевы службы из Азова пришли к Москве и недошед стали на подхожем стану в селе Коломенском*».

30 сентября уже нового **1697 года** в девять часов утра победоносные войска от Симона монастыря через Серпуховские ворота торжественно вступили в Москву. В конце «*каменного мосту, что за Московую рекою устроены нарядныя триумфальныя ворота*». Растянув-

шаяся на много верст процессия двинулась в Замоскворечье. Шествие открывал думный дьяк Никита Моисеевич Зотов (дядька Петра) сидя в повозке, в руках у него был щит и сабля. Вслед за каретами генерал-комиссара Федора Головина и кравчего Кирилла Нарышкина следовала «*конюшня*» Франца Лефорта из четырнадцати нарядно оседланных лошадей и двух парадных колясок, запряженных 6 лошадьми каждая. На украшенных золотом «*государевых санях*» и шестерке парадно убранных лошадей из царской конюшни ехал Лефорт в окружении конвоя копейщиков. От моста был установлен плакат «*картина на полотне*» и на ней было изображение морского боя и соответствующая надпись «*приступ к Азопу и бой на море с галер и фуркатов. На море турки поражены оставя Москве добычу. корабли сожжены*». На этой картине был так же изображён Нептун на морском звере похожего на кита в руках у него были острога и весло и надпись «*се и аз поздравляю взятием Азона и вам покараюсь*». Так на санях адмирал проехал через весь город, чем немало позабавил жителей столицы.

За ним шел «*морской караван*» в 3000 человек. Его возглавлял «*капитан Петр Алексеев*» в черном немецком платье, «*шиляпе с белым пером и протазаном в руках*». Так пешком за санями Лефорта царь совершил весь путь «*от конюшен до Троицкого подворья и до слободы*».

За «*морской ротой*», за князем Борисом Львовым, за священниками скромно следовал главнокомандующий Алексей Семенович Шеин на лошади верхом. За ним солдаты с карабинами тащили по земле 16 турецких знамен и шёл знатный татарин Аталык со связанными руками. Затем ехал генерал Автоном Головин «*около ево 6 человек с палашами*». За «*преображенцами*» на телеге, запряжённой 4 лошадьми с виселицей везли закованного изменника Якушку «*в чалме, обвитой по-турецки, руки окованы цепями, на шею петля, на грудях бумажное зеркало, на перекладине веревка петлею и ложена на шею*». Шествие замыкал генерал Петр Иванович Гордон «*шел пеш, при нем Генеральский значек*» во главе своих шести полков.

Под своды Триумфальных ворот Царь Петр и адмирал Лефорт вошли рядом. От этих ворот Белым городом через «*Предтеченские ворота мимо Государева двора, под переходы из Кремля в Никольские ворота*» процессия вошла в Кремль. После чего полки разошлись по местам своей приписки «*...и идучи на стойке и стойки в барабаны били и в сиповки играли, мушкетеры и копья несли с поля вверх замками*».

Позже адмирал писал в Женеву: «*Шествие продолжалось с утра до вечера и никогда Москва не видала такой великолепной церемонии*». Вечер 30 сентября и весь следующий день Петр провел в доме Лефорта в компании морских офицеров. Как обычно, стреляли из пушек и трубили в трубы «*не жалели ни пороха, ни вина*».

26 декабря 1697 года во второй день Рождества в Кремле состоялись награждения участников кампании. По прочтении «*сказки*» об истории похода была объявлена царская милость. Второе по размерам после главнокомандующего Алексея Шеина пожалование получил адмирал Лефорт, хотя практически он не участвовал в боях. «*Тебе, адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту, золотой в семь золотых, кубок с кровлею, кавтан золотой на соболях, да в вотчину в Епифанском уезде село Богоявленское с деревнями 140 дворов*», читаем в указе Петра. Третье по величине жалование получили генералы Петр Иванович Гордон и Автон Михайлович Головин.

Воеводы получили «*по золотому, в два золотых, по портищу объяри, придачи помещенья по 130 четвертей, денег по 27 рублей*». Стольники поимели от Царя: «*по золотому, в два золотых, по портищу байбереку, придачи помещенья по 200 четвертей, денег по 15 рублей*». Солдатам и урядникам Московских жителям: «*по копейке золоченной, к денежным окладам придачи по 100 четвертей, денег по 8 рублей*». Солдатам выборных полков «*по копейке золоченной*». Донским Казакам в Москве ничего не было дано, обещали только годовое жалование.

Памятная медаль «Взятие Азова» аверс 1696год.

Благодарность Царя Петра к своему любимцу этим не ограничилась. Лефортов получил почетный титул наместника Новгородского великого княжества, вотчину в деревне Красной Рязанского уезда в 35 дворов и ряд мелких подарков. По возвращении из похода семья адмирала переехала в построенный по распоряжению царя в его отсутствие каменный дворец в Немецкой слободе. Внесшие гораздо более значительный вклад в победу Патрик Гордон и Автоном Головин были удостоены несколько меньшими жалованиями.

По прибытию в столицу Петр собрал бояр и палатных людей в Преображенском «для великаго царственного дела, для приискания средств к безотлагательному сооружению флота». Боярская дума, убежденная доводами Государя в необходимости такой меры, постановила: «возложить строение кораблей на помещиков и вотчинников, как духовного, так и светского чина, на гостей и людей торговых, на посады и слободы, не исключая и беломестцев, с тем, чтобы владельцы духовные с 8000 крестьянских дворов, а светские с 10 000 выстроили по баркалону или по кораблю, оснащённому и вооруженному, не позже апреля месяца 1698 года; гостям же, людям торговым, посадским, всем в совокупности, к тому же сроку изготовить 12 судов бомбардирских». Помещики и вотчинники обязаны были явиться в Поместный приказ для определения с кем быть в «кумпанстве», то есть в компании. Всего образовалось 19 кумпанств духовных, 42 компании светских и 14 компаний гостиных. Судный Володимировский приказ, сообщил всем компаниям-кумпанствам, какой величиной строить суда, с каким числом орудий, сколько поставить плотников, кузнецов и других рабочих. Все материалы, железо, канаты, полотна, орудия, снаряды компании должны покупать за свой счёт.

Надзор за работами Царь поручил Францу Тиммерману, Августу Мееру, строившему галеры для похода на Азов и двум капитанам Симону Петерсену и Якову Моро. Корабельные мастера вызваны были из Венеции, Дании, Швеции и Голландии. Ещё из-под Азова он просил Венецианский сенат «для пользы общей христианской войны, прислать в Москву 13 добрых судовых мастеров, которые умели бы строить всякие суда воинские и морския». Они приехали в Москву в январе 1697 года с капитаном Моро и показали своё искусство всем, особенно в постройке галер и фрегатов. Все призванные мастера работали в Воронеже.

Вся зима 1697 года проходила в череде обедов, балов и прочих увеселений. Вся Москва сотрясалась от пушечных и оружейных салютов и фейерверков. В домах знатных господ соби-

ралось большое количество желающих погулять на балах и танцах. На пруду у Красного села в память о походе Шеина *«сделан был из снега город Азов, башни и ворота и каланчи нарядные и потехи изрядные, а государь изволил тешиться»*. После очередной гулянки произошёл пожар в доме Лефорта.

Сам Царь принимал участие в тушении, таскал воду и командовал пожарными. Далее гулянки продолжались уже в доме князя Алексея Шеина. Патрик Гордон в своих записках писал: *«...все или большая часть присутствующих напились пьяны»*.

Гавань для нового флота решено было построить при мысе Таган-Рог. Вот тут приведу цитату из книги Николая Устрялова «Потешные и Азовские походы».

Мѣсто для корабельной гавани на Азовскомъ морѣ, послѣ тщательнаго измѣренія устья Дона, назначено рѣшительно при Таганъ-Рогѣ; для устройства ея, по плану цесарскаго инженера де-Лавалья, наряжено 20.000 служилыхъ людей изъ Украинскихъ городовъ, подъ вѣдѣніемъ думнаго дворянина Щепина. Въ защиту гавани, предназначено соорудить крѣпость на Таганъ-Рогѣ, во имя Св. Троицы.

Цитата из книги Николая Устрялова «Потешные и Азовские походы».

Царь Пётр понимал, что придётся много переправлять материалов, а также пушек с железных заводов и всё это возить на подводах тяжести будет не всегда удобно. Он решает прорыть канал между Волгой и Доном. Инженер полковник Брюкель должен был приготовить проект и вести строительство. Здесь приведу фрагмент карты инженера и генерал-майора Александра Ригельмана, где показан путь, когда-то пройденный Петром.

Ещё до отбытия за границу Царь Петр **весною 1697 года**, приказал князю Борису Алексеевичу Голицыну рыть канал от речки Царицынки, впадающей в Волгу, до речки Иловли, впадающей близ Качалинской станицы в Дон. В распоряжении князя были 35 000 солдат и *«посошных»* людей Низовых городов *«на шлюзное дело»*.

Волго-Донской канал. Фрагмент карты 1697 года.

Они прорыли Волго-Донской канал и поставили 5 крепостей, которые мы видим на карте. На Дону была построена Крепость Донецкая. Вот таким образом Царь Пётр соединил самый северный город Архангельск с Азовским и Чёрным морем.

4. Великое посольство и Стрелецкий бунт.

Взятие **турецкой крепости Азов** произвело большое впечатление на все страны Европы. Эта победа должна была придать России значительный вес в отношении со всеми прогрессивными странами. Вскоре, однако оказалось, что усиление Москвы совсем не нравится Польше. Сенаторы, слушая рассказы очевидцев говорили про молодого Петра: *«Какой отважный и беспечный человек, что от него вперед будет»*. К русскому резиденту в Варшаве Никитину приезжали различные люди и говорили про речи литовского гетмана Льва Сапеги. Он громко заявлял, что русские *«никого храброго дела не показали и взяли Азов на договор»*. Никитин призывал союзников идти под подданство России и молодого сильного Царя. После этого сенат решил не писать в титуле Короля Польского титулы Киевский и Смоленский. В книге А. Г. Брикнера «История Петра Великого» находим такие слова: Гиперболически и витиевато Никитин в письме к Петру поздравлял его со взятием Азова, замечая: *«Орел польский от окаменелого сердца своего в нечаемости задумался в храбрости вашей, а лилии французские не сохнут ли от гуков и от молнии триумфов вашего царского величества; одним словом: Гишпанское, Португальское, Английские государства, Голландская и Венецианская Речь Посполитая, на те победительства смотря, радуются и славу воссылают. Великая вашего величества слава, которая разошлася от захода до восхода солнца... Пред вашим царским величеством дрожит Азия, утекает пред громом Африка, кроется под блистанием вашего меча Америка»*.

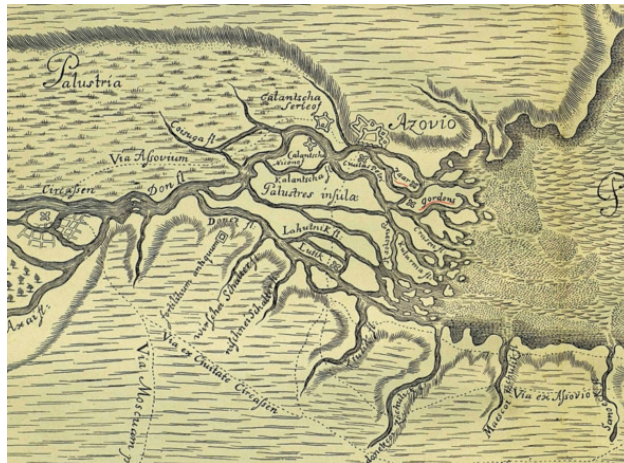
Триумф Петра. Фрагмент старинной гравюры 1700 года. Художник Нахтгкласс.

Пока в Москве проходили торжества, на Дону Казаки, охраняя пушки и *«пороховую казну»* оставленную московскими войсками в конце года выбрав 3 знатных казаков с **атаманом Матвеем Можаром** посылали их на Кубань с войсковым письмом к *«мурзам Неврюзовым, к Янмамату и Мирза-бекам и ко всей орде»*. Они склоняли этих кочевников к *«подданству под царскую самодержавную руку»*. Вся орда, помня победу под Азовым послала с ответным письмом в столицу своего посланника Доннкелду-агу, которого Войсковой **атаман Фрол Минаев** с *«зимовой станицей»* в **декабре 1697 года** сопроводили к Царю. Позже Донские Казаки ходили *«плавною на море, на стругах для поиска над неприятели и на нагайские улусы, под Темрюк и к Изьлташу»*. Эти крепости были атакованы казаками и взяты в плен несколько человек. Пленники сообщили что калмыки с Доинкедою стоят на одной стороне Кубань реки, а против них на другой крымский Калга-салтан *«а о чем у них сходство того неведомо»*. Грамоту от **Царя и Великого князя Петра Алексеевича** в **январе 1697 года** привезли *«казаки передовой станицы Игнатий Павнихин, Никита Кузнец, Матвей Можар»*.

Жалование казакам Государь отправил с Минаевым *«5000 рублей, 430 половинок сукна анбургских, 230 пудов пороху ручного и пушечного, 115 пуд свинцу, да с Воронежа хлебных запас-муки ржаной 6500 чети, да 500 ведер вина, да сверх прежнего за ваши службы на дачу калмыкам, которые с вами служат к войску, 500 рублев да 10 пуд железа»*. Царь указал Донским

Казакам продолжать «служить нам, великому государю и **город Азов, также и новопостроенный город Сергиев, и Каланчи, и Лютик** и все свои казачьи городки от неприятельского нахождения берегли со всяким усердным радением и до взятия и ни до какого разорения не допустили, и посылали от себя из войска в те города и в каланчи в помощь ратным людям донских казаков по немалу числу и велели им чинить неприятелем отпор с великим радением».

Донские Казаки пока не было Фрола Минаева избрали **Войсковым атаманом Лукьяна Максимова**, «посоветовав меж собою, послали для опасения от неприятельских людей в Ново-Сергиев город к калмыком в прибавку к нашим, великого государя, ратным людям **казаков своих с 300 человек и больше, чая их бусурманского наперед приходу к каланчам**».

Дельта Дона. Карта Лавалья 17 век.

На приведённом фрагменте карты Лавалья видим, что Каланча на левом берегу была намного больше, чем та которая на правом «*никоноф*»; так же видим где располагались земляные укрепления Царя и Гордона; что античные фортификационные укрепления находились на возвышенности у Мертвого Донца на левом берегу Сухого Чалтыря; что оказывается было раздвоение русла Донца в том месте где сейчас заливные луга между Софьяновым и Недвиговкой; что дорога из Азова шла мимо крепости Лютик и поднималась на высокий берег.

В **феврале 1697 года** всё войско Турецкого султана по льду переходило с Крымской стороны из Керчи на Тамань и на реке Кубань строят мосты для прохода новых войск с «*Царь-города к Азову*». Эти сведения сообщил вернувшийся из неволи Куземка Калмык, а письмо в апреле месяце в Москву отвез **станичный атаман Пахом Сергеев** с товарищами. В нём так же сообщалось, что были посланы указания «в *верховые городки для сыска воровских казаков, которые воровали под калмыцкими улусы и на Волге*». Бунтовщики и воры были пойманы и «казнены 14 человек смертию и воровской живот весь, положен у вас в войсковой казне до нашего указу». Угнанные лошади были возвращены калмыцкому Аюкаю-тайше. В случае прихода под Азов турок Государь указал Донским Казакам помогать московскому воеводе Петру Григорьевичу Львову «или бы всем войском в Азов конною и с калмыками и судовою без мотчания и над неприятелем чинили всякой воинский промысел обще».

14 мая 1697 года на Дон привезена очередная грамота **станичным атаманом Осипом Фёдоровым**. В ней я нахожу сведения что в апреле были посланы 150 казаков в крымские земли «для взятия языков». Не доходя Тонких вод этот отряд встретил отряд крымских татар, шедших от «украинных наших городов, и всех их разбили и в полон взяли 15 человек, а агу того побили и руского полону черкас отбили у них 8 человек и отпустили их в дома». У взятых пленников были добыты сведения, что туркам велено собираться в Крыму «...а пушечный наряд будет доставлен морем в каторгах, а выгрузить его будут под Очаковым и повезут

сухим путем к Азову и к Черкасскому». Царь приказал казакам послать разведчиков для добычи сведений на 3 стороны «на Нагайцев на Кубань, на Куму реку, на Темрюк». Он так же доводит сведения до дончан, что калмыцкий Аюка-тайша всю свою орду переправил на нагорную сторону реки Волги и будет кочевать по Дону, по Хопру, Медведице и по Кубани. Боярину и воеводе Алексею Шеину приказано было срочно вернуться с войсками к Азову.

Успехи молодого русского Царя Петра Алексеевича обещали многое в будущем как страны, так и Европы. Было решено провести **дипломатическую миссию в Западную Европу**, для расширения антитурецкой коалиции и приглашения на службу России специалистов по морскому делу и закупку военных материалов *«дабы то новое дело вечно утвердилось в России»*. Думный дьяк Емельян Украинцев объявил в Посольском приказе *«о посылке в окрестные государства, к цесарю, к королям английскому и датскому, к папе римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту брандербургскому и в Венецию великих и полномочных послов для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста»*.

В ранге первого посла ехал адмирал Франц Лефорт со свитой из четырнадцати человек; ему назначалось жалованье 3 920 рублей. Вторым послом значился начальник Посольского приказа Федор Головин; третьим послом Петр назначил дьяка Петра Возницына. В посольство входили семь подъячих, два переводчика *«латинского, немецкого и галанского языков»*, три толмача разных языков из Посольского приказа, два золотых и серебряных дел мастера, лекарь, собольщик, священник и дьякон дворцовой церкви, четыре карла. К посольству был присоединен отряд волонтеров из дворян и разночинцев *«для морской науки»*. Царь Петр отправлялся за границу как частное лицо под именем *«десятника второго десятка Петра Михайлова»*.

Великое посольство 1697 года. Старинная гравюра 17 века.

«Российскому дворянину Александру Меншикову с семью товарищами» была выдана особая грамота за подписью цесаря Леопольда *«для свободного в Венецию и Италию им проезда»*. Сопровождали Александра Даниловича ещё *«царевич Арчилович, Василий Кормчин, Иван Сенявин, Федор Плещеев»* и другие знатные люди. На старинной гравюре есть подлинное изображение этого 24 летнего Петра Михайлова.

Ещё раньше Петр отправил 50 *«комнатных стольников и спальников»* за границу обучаться морскому делу *«учиться архитектуры и управления корабельного»*. Все они принадлежали к знатнейшим фамилиям России, среди них были Борис Куракин, Григорий Долгорукий, Петр Голицын, Петр Толстой, Андрей Измайлов, Владимир Шереметев, Юрий Трубецкой, Михаил Оболенский, Иван Шаховской и другие.

11 декабря 1697 г., Франц Лефорт в письме к родным указывал, что поездка посольства состоится 15 марта 1697 г. Передовой же отряд посольства *«с собольною казною и с золотыми, и с солдаты, и со всем посольским нарядом и платьем и иными всякими припасы»* двинулся в путь 2 марта.

9 марта 1697 года Лефорт дал прощальный пир, и через неделю посольство выступило из Москвы. В Посольском журнале находим что: *«... с Москвы генерал Лефорт собрався со всем обозом, поехали в путь и ночевали в селе Никольском»*. 25 марта посольство достигло гра-

ниц Лифляндии, а 31 марта вступило в Ригу. Владелец дома, где было отведено помещение Лефорту, Яков Гасек сообщал Городскому совету 7 апреля, что послы объезжали и осматривали город. Из воспоминаний барона Бломберга находим характеристику про Лефорта «...я нашёл, что он очень разумный, приветливый и привлекательный; разговор с ним очень приятен; это настоящий швейцарец по честности и храбрости и особенно по умению выпить». Другой немецкий чиновник говорит: «Лефорт великолепно одевается, однако странным кажутся множество колец, которые он носит на пальцах, а также повязка из изумрудов, которую он носит на волосах». А в это время Царь Петр ходит в обыкновенном платье.

В июне компания Лефорта в которую конечно входил, и Петр Михайлов находилась в Кенигсберге там он тайно встретился с курфюрстинами Софьей Ганноверской и её дочерью Софьей-Шарлоттой Бранденбургской в замке Коппенбюге близ Ганновера.

Далее всё посольство через Пилау, Трептов, Берлин, Магдебург прибыло в Шермбек. Группа из 18 человек, включая и Петра, отделилась от посольства и по реке Рейну направилась в Саардам, остальные отправились через в Намваген на голландской границе. Голландия в те времена была великая морская держава, она при помощи принца Оранского в 1688 году присоединила английский престол. **8 августа 1697 года** Пётр прибыл в Саардам на берег моря в залив Эй, там находилось 50 верфей. Он поселился в малолюдной части городка «на улице Кримпе в маленьком деревянном в два окна домике с черепичной кровлей».

Спуск на воду корабля в Голландии. Старинная гравюра 17 века.

Этот дом принадлежал кузнецу Кисту, ранее работавшем в России и немного знавшим наш язык. В лавке вдовы Якова Оомеса, Петр купил большое количество инструментов необходимых для постройки кораблей и принят подмастерьем на корабельную верфь Липста Рогге. В сентябре Петр Михайлов присутствовал при показательном сражении на реке между кораблями. Проводился штурм и абордаж, палили из пушек, стреляли из мушкетов среди моряков был и Петр. Он принимал участие в строительстве фрегата «Святые апостолы Петр и Павел».

В это время на Дону **20 июля 1697 года** турецкий **Калга-султан** с 12000 конных и 5000 пехоты подошёл к реке Кагальник и встал лагерем. После он провёл разведку боем, ворвался в лагерь русских войск, которые стояли вокруг Азова. Воевода Алексей Семенович Шеин контратаковал турецкие войска и после 10 часового упорного боя нанёс им поражение. Донские Казаки преследовали бегущих татар до Кагальника, многих побили и потопили в реке при переправе. Турки не выдержали такого натиска русских, потеряли около 2000 человек и отступили на юг в степи.

В Европе же наши представители вели дипломатические переговоры в Гааге. Въезд Великого посольства состоялся 17 сентября, они «ехали в нарядной карете, по обе стороны шли гайдуки в венгерском платье с обуви, на шапках были страусовые перья». В октябре Петр встретился с королём Вильгельмом, позже он с 15 волонтерами на яхте посетил Англию.

Б.П.Шереметев на Мальте 1698.Фрагмент старинной гравюры.

Пока Пётр встречался с королями этой же осенью на Дону Казаки «*проводили разъезды под Крым и Кубань*» непрерывно тревожили неприятеля, преграждая им путь к набегам на Русскую землю. Собрав небольшой отряд на лодках, они ходили под **Темрюк и Кызылташ**, но по принятым со стороны турок предосторожностям возвратились без всякого успеха к стенам Азова. Из «*распросных речей*» **атамана Максима Фролова** находим сведения, что Казаки в **ноябре** месяце числом 630 человек ходили походом в ногайские степи на улусы Кубека-мурзы и отбили 1200 лошадей и взяли в плен 7 человек татар.

В **начале 1698 года** Донские Казаки с атаманом Акимом Филиппевым числом до 1000 человек были отправлены в армию князя Долгорукова, охранявшего крепости на Дону от крымских татар, остальное Донское Войско непрерывно тревожило неприятеля.

Вот теперь наступило время рассказать о **Стрелецком бунте** произошедшем в этом году пока Царь Пётр находился за границей. В «*истории*» Александра Ригельмана находим: «*Окольничей Алексей Соковнин, Думный дворянин Иван Циклер, Стольник Феодор Пушкин и их товарищи их Стрельцы, и бывшие тогда в Москве Донские Козаки, учинили между собою изменнической заговор... государство в свою власть взять. Онные бунтовщики, по праведному Гражданскому суду все смертию в Москве казнены: у живых руки и ноги, а потом головы отрублены, и всем частям города руки и ноги онныя на колы взоткнуты, а головы на Красной площади, на каменном столбе поставлены*».

Что же произошло на самом деле и кто был возмутителем народа на новый бунт? Согласно документам, оставшимся после следствия, попробуем нарисовать картину всего произошедшего. В **марте 1698 года** беглецы из 4 стрелецких полков в числе 175 человек явились в столицу и сказали, что «*ушли от бескормицы*». Эти полки после зимовки под Азовом были сменены другими стрелецкими полками и отправлены не в столицу, а к князю Михаилу Рамодановскому на Литовский рубеж к городу Великие Луки. Эти стрельцы ранее всегда возвращались на зимние квартиры «*в тёплые избы, к сытной трапезе, к торговым промыслам, к буйным разгулам*».

Царь Пётр заставил их служить круглогодично, что конечно многим богатым московским служивым людям не понравилось «*они жаловались на свою долю, возненавидели все что ни делал Петр для своего отечества, проклинали фортеции, корабли, гавани, злобились на бояр и сподвижников иноземных, считая их главными виновниками всенародного отягощения, что он немилосерд и пристал к немцам*». Главные возмутители стрелецкие **Борис Проскуряков** и **Василий Тума** разыскали в столице «*стрельчиху Артарскую, Офимку Кондратьеву бойкую бабу, бывшую за мужем за 3 стрельцами*» и через неё отправили письмо к царевне Софье в Новодевичий монастырь *письмо с призывом на царство*. Вокруг Софьи всегда было множество родственниц и сестры Петра (Марфа, Мария, Екатерина и Феодосия) разделяя с нею непримиримую ненависть к брату, осуждая в её кельях, всё что он делал и не чужды были

в замысле «*возжечь бунт*». Сведения о стрельцах сообщали царевнам, через постельниц запрятав их в «*стряпню*», то есть в хлебные булки и пироги.

У Николая Устрялова находим текст ответа Царевны Софьи Алексеевны к стрельцам:

«Вѣстно мнѣ учинилось», писала Софія «что вашихъ полковъ приходило къ Москвѣ малое число, и вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ миѣ идти къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ отпус-
кать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а ктобъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой».

Цитата из книги Николая Устрялова «Потешные и Азовские походы».

Для быстрого возбуждения стрельцов к бунту бабы распустили слух «*что Государя за морем не стало*». Эта несправедливая весть быстро разлетелась по всей Москве и России и привела в недоумение даже бояр-правителей, которые, не получив несколько «*заграничныхъ почты*» в связи с весенней распутицей, «*крепко встревожились и перепугались*». Позже сам Пётр говорил про бояр «*на всех бабий страх напал*».

Софья всё больше распускала слухи через «*стрельчиху Артарскую*» и велела ей через своих постельничих шепнуть «*...у нас в Верху позамялось; хотели было бояре государя царевича удушить. Хорошо кабы подошли стрельцы*». После боярские бабы всюду распускали слухи «*хотели царевича удушить и платье его на другого одели и сыскали настоящего в другой комнате, и бояре царицу по щекам били*». Конечно эти слухи распространились по всей Москве. Беглых стрельцов из столицы выслали при помощи солдат Семеновского полка. В дороге их нагнало ещё одно письмо Софьи в котором она писала «*...ныне вам худо, а впредь будет ещё хуже. Идите к Москве. Чего вы стали? Про Государя ничего не слышно*».

По прибытии в Великие Луки стрельцы начали подговаривать свои полки к выступлению на Москву. Из документов «*показаний стрельцов при розыске*» находим: «*...только и речи было во всех четырех полках, что Государя за морем не стало, а царевича хотят удушить бояре, только и думы было в стрелецких кругах идти к Москве, бояр перебить, Кокуй разорить, немцев перерезать, дома разграбить*». В **конце мая** эти полки были переведены в городок **Торопец**. Из столицы пришла грамота в которой был приказ оставаться на местах, а «*бегавших стрельцов с женами и детьми сослать в ссылку на вечное житье*». Князь Рамодановский прочитал перед полками эту боярскую грамоту, но никто его не послушал и начался бунт. Стрельцы захватили «*несколько пушек, полковые припасы, денежную казну*» и знамёна. Часть основных сил ещё была подчинена своим полковникам, но бунтовщики объявили приказ «*кто к Москве не пойдёт, сажать на колья*». Они строили планы и хотели перебить бояр, возмутить чернь и провозгласить на царство Софью. Царя же, если он жив, в пределы государства не впускать, для того, что «*он к стрельцам немилосерд и начал веровать в немцев*». К мятежникам присоединились не все полки, но число их было более 2000 человек.

Московские стрельцы. Фрагмент старинной гравюры. Неизвестный художник.

Боярский Разряд приказал **воеводе Алексею Шеину** с ратными людьми Московского чина и с солдатами Гордона выступить с 25 пушками и 3700 воинами к Ходынке. Мятежники шли занимать Воскресенский монастырь. Гордон разместил свои войска на холмах при селе Рогожи, под которыми находился обширный луг и переправа у реки. После переправы мятежников **18 июня 1698 года** в их стан пришёл уговаривать сам **Патрик Гордон** без оружия с 6 охранниками и говорил, что к Москве их не пропустит. Боярин Алексей Шеин свои полки поставил полукругом прямо против стрелецкого стана и послал к ним генерала Кольцова-Масальского. Мятежники жаловались на князя Михаила Рамодановского, который *«выведчи их из Торопца, по полкам велел рубить, а за что не ведают... в осеннее и зимнее время в лесу на Польском рубеже были мразом и всякими нуждами утеснены ...что умышлением еретика иноземца Лефорта под Азовом побито премножество лучших ...слышали они к Москве идут немцы»*. Эти ответы мятежников убедили воеводу Шеина, что клевета на Царского любимца и на Рамодановского и дерзкие угрозы на иностранцев надо пресечь и он дал команду открыть по мятежникам огонь из пушек над их головами. Стрельцы открыли огонь по Царским войскам. Полковник Граге понизив орудия дал ответный залп.

Мятежные стрельцы пробовали пробиться в штыки, но ничего не вышло. Четвертым залпом они были рассеяны по полю. Всё сражение продолжалось не более часа. Стрельцы потеряли 13 человек убитыми и 37 ранеными, остальные были переловлены и посажены в тюрьму Воскресенского монастыря.

19 июня князь и воевода Алексей Шеин *«начал розыск»*. К разрядному шатру были по очереди приводимы мятежные полки, он делал смотр с переключкою и выявлял кто был зачинщиком. Большинство говорило, что стояли против Царских войск по принуждению.

Главные зачинщики пугали простых стрельцов *«если кто пойдёт в Большой полк, тех будут рубить и ножами резать»*. Основных зачинщиков было выявлено 56 человек. Многие сказали, что *«бегали к Москве от хлебного недорода и от голоду»*. Хотели убить боярина Тимофея Стрешнева и Федора Рамодановского *«что по службам их посылают и тем мучат»*, князя Троекурова *«за убавку хлебного и денежного жалования»*, князя Михаила Рамодановского *«за то, что хотел рубить и жалование давал не сполна»*.

Основными мятежниками были определены Проскуряков и Тума, и 36 человек сподвижников. Казнь через *«повешивание»* совершили под стенами Воскресенского монастыря в конце июня месяца. Позже выявили ещё 74 человека беглецов и повесили их вдоль дороги на виселицах по 5 человек, 140 человек были биты кнутом и сосланы в ссылку. Остальное большинство в числе 1965 человек, разсланы по городам и монастырям *«в колодах с провожатыми»*. Покончив с казнями Большой полк Алексея Шеина вернулся в Москву.

Тем временем, а точнее в **мае 1698 года** Государь Петр Алексеевич отправился в Австрию и там была встреча с императором Леопольдом. Великое посольство окончилось самым неожиданным образом. 18 июля пришло донесение князя Федора Рамодановского

о стрелецком бунте. Петр с небольшой свитой, с Лефортом, Головиным, Меншиковым срочно отбыл в Россию. По пути он встретился с польским королём Августом, который шел с войском под город Львов на татар.

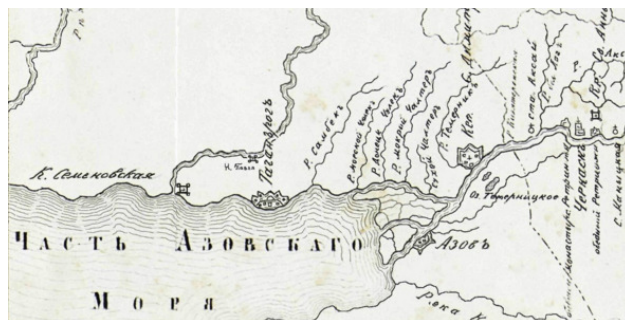
В конце **августа 1698 года** Царь инкогнито въехал в Москву и на следующий день принимал бояр, слушал доклады по мятежу и именно в этот день отрезал ножницами бороды генералиссимусу Шеину, Ромодановскому и другим вельможам, оставив бороды боярину Тихону Стрешневу «за преданность» и князю Михаилу Черкасскому «за преклонную старость». Привыкший к бритым подбородкам в Европе он вновь встретился с окладистыми «лопатами» и это сильно напрягало Петра. С этого момента ношение бороды было обложено высоким налогом.

По прибытию Петр не захотел видеть свою жену **Евдокию Федоровну**, наверное, добродоты много плохого наговорили про неё за время его отсутствия и так же повлиял заговор её родственников и их неприятие к Лефорту. Позже она была насильно пострижена в монахини под именем Елены. В это время Царю Петру 26 лет, у него уже родились два сына царевича: Алексей Петрович- 8лет и Александр Петрович- 6 лет.

Позже был устроен бал у Лефорта в доме, собралось до 500 человек. Обитатели Немецкой слободы явились с женами и московских бородачей было уже очень мало. Бояре смотрелись как иностранцы, только в русских кафтанах.

На Дону же этим летом австрийский инженер Борсдорф по указу Царя начал строить **крепость Семеновскую**. У историка **Владимира Броневского** в книге «История Донского войска» находим:

«Вскоре, после того, предпочли место при Таганрогском урочище, в 60 верстах от Азова находящееся; и там, где уединенно стояла оставленная Турками сторожевая каменная башня, обнесенная земляным валом, начали строить гавань и крепость под именем Троицкой на Таганроге. Крепость состояла из правильного пятиугольника с четырьмя полигонами, четырьмя рavelинами и прикрытым путем. Концы укрепленных полигонов примыкали к морскому берегу, в сем месте довольно возвышенному. Окружность крепостного вала составляла 1.290 сажень; сухой ров был глубиною в 10, шириною по верхней его плоскости 126 футов; вал от бермы высотой 18, толстою при подошве 63 фута. Гавань обнесена была деревянною, на сваях утвержденною и набученною камнем стеною, 890 сажень длиною и 33 футов шириною. Для прикрытия строящегося города и для безопасности всех окрестностей от набегов Крымских Татар и Ногаев построена была укрепленная линия. Она начиналась крепостию Черепашою, в 5 верстах от Таганрога, на берегу Азовского моря построенною, и шла на север к Миусу на расстояние 9 верст и 200 сажень, где оканчивалась крепостию, названною Павловскою». Карта Де Лаваль

Дельта Дона. Фрагмент старинной гравюры 17 века.

Пока в Москве разбирались со стрельцами **весной** Донские Казаки отправили в Москву станичного **атамана Ермолая Онисимова** с товарищами, который привез приказ от москов-

ских бояр и царское жалование. В нём приказано было направить 300 конных казаков и калмыков *«для воинского промыслу над неприятелем и для бережения городов Тавани и Казы-Керменя»* в полк воеводы Якова Долгорукова. Из грамоты мы так же узнаём, что зима на Дону была очень крепкая и *«конские стада выпали из-за оскуднением кормов»*. Казаки начали *«исправлять струги для похода на Чёрное море»*, их надо было просмолить и проконопатить.

В конце лета 1698 года большая партия Казаков была отправлена на лодках по Азовскому морю к ново построенному турками городу **Ачуеву**. Эти сведения я нахожу в *«распространенных речах»* **станичного атамана Кирея Болдыря и Семена Елисеева**. Там они схлестнулись с неприятельскими галерами и отбили несколько своих пленников бывших на *«каторгах»* и взяли в плен 2 важных турок. Казакам постоянно надо было обновлять боевых лошадей и вот пока не наступили холода они отрядом до 90 человек соединившись с **калмыком Исуп-мурзой**, бежавшим в Черкасск из-за Кубани, напав на едисанских татар у **реки Лабы** захватили у них табун в 500 лошадей.

Получив такой успех они уже в 150 человек снова предприняли рейд и отогнали ещё 600 голов лошадей и захватили 2 человек в плен.

В это время в Москве, после гулянок и помелья, Царь Петр остался недоволен следствием воеводы Алексея Шеина. Он даже хотел распустить его полк. Однажды на гулянке у Лефорта Царь упрекал воеводу в неправильном производстве офицеров. В гневе с обнаженной саблей он кричал *«уничтожу твой полк, а с тебя сдеру кожу»*. Зотов и Рамодановский спешили успокоить молодого государя, но первому достался удар по голове, а второй чуть не остался без пальцев. Успокоил его **Алексашка Меншиков**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.